

ВИКТОРИЯ ВИТА

Каждый
день как
пятница
13-е

16+

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Виктория Вита

Каждый День Как Пятница 13-е

«Автор»

2022

Вита В.

Каждый День Как Пятница 13-е / В. Вита — «Автор», 2022

«В элитном пригороде Петербурга, где царит покой и умиротворение, в бане одного из коттеджей находят тело молодого мужчины. Неизвестно, кто он и как попал туда, но именно с этого момента начинается цепь таинственных и порой ужасающих преступлений. Когда же возникает ощущение, что все разрешилось, зло наказано и синяя птица удачи в руках героев, это оказывается миражом, иллюзией. В действительности ад только начинается, и для каждой из героинь — свой собственный ад. Внешность фотомодели Даши, востребованная профессия Евгении, богатство и высокое положение в обществе Тамары Георгиевны Багрицкой — ничто не гарантирует благополучия и безопасности. Оказавшись в умело сплетенной и смертельно опасной паутине, ни одна из них не догадывается, кто так ловко затягивает петлю вокруг шеи каждой из них...»

© Вита В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктория Вита

Каждый День Как Пятница 13-е

*Она была такой сильной женщиной, что
жизнь добавляла ей блины на штангу
трудностей уже просто из любопытства...*

NN

*Кем были бы мужчины без женщин?
Редкостью, сэр... большой редкостью.*

Марк Твен

Часть 1

Нет, конечно, чудеса бывают, и с кем-нибудь, возможно, довольно часто, но это не ее случай. Хотя, надо быть честной, и с ней бывало... Только эти «чудеса» были преимущественно со знаком «минус», и потом приходилось прикладывать кучу усилий, чтобы не впасть в депрессию и не добавить комплексов к уже имеющимся. С определенным успехом оказываясь молодцом, она пока (вот именно что *пока*) обходилась без консультаций определенных специалистов и без оптимизирующих жизненный тонус препаратов. Нельзя сказать, что она окончательно разочаровалась в жизни и перестала верить в Деда Мороза, в него, может, и перестала... И все же каждый раз после очередного разочарования где-то в глубине души оставался неприятный осадочек. Потом он утрамбовывался, а через некоторое время на него укладывался новый пласт, когда потолще, когда потоньше, и, срастаясь между собой, они образовывали монолит, который с каждым годом становился все тяжелее и тяжелее, и на нем все более четко прорисовывалась надпись: «Полная безнадега».

Отпуск на берегу моря в любом возрасте настраивает на определенный романтический лад. Не то чтобы она питала иллюзии насчет того, что какой-нибудь новоиспеченный Онассис или мятущийся в поисках новых ощущений Абрамович на своей яхте с командой «Челси» в полном составе, вместе с запасными игроками, тренерами и массажистами, устав от толкучки с себе подобными светскими львами и львицами где-нибудь на Сейшелах или Мальдивах или в крайнем случае – Багамах (кто их знает, что у них там сейчас в тренде), приедет на семейный курорт Гаспра, где по галечному пляжу носятся орды немилосердно орущих детей. Приедет, ну, так, просто... Для получения новых ощущений. И вот здесь оно, это самое настоящее чудо, и произойдет... Он – принц, она – Золушка, правда, только по статусу, а вот по возрасту скорее фея-крестная, к тому же несколько потрепанная жизненными перипетиями. Несмотря на то что она достигла тех лет, когда не только можно, но и нужно подводить определенные итоги, в ее конкретном случае хвастаться было нечем, а продолжать жить в ожидании чего-то или кого-то там сказочно-необыкновенного становилось уже неловко. Правда, в некоторой степени утешала мысль, что до восьмидесяти еще жить и жить (если, конечно, повезет), следовательно, времени для «великих свершений» еще предостаточно. Конечно, если объективно она далеко не Афродита, ну просто очень и очень далеко (и навряд ли когда-нибудь ею станет). Но в общем, если внимательно не присматриваться, еще ничего, может, поэтому и теплится какая-то надежда. Хотя последнее скорее связано с врожденным чувством здорового (или нездорового) оптимизма. Только этим, особенно в сочетании с бокалом хорошего вина, можно объяснить нет-нет да и появляющуюся мысль, что вот придет он – такой умный, добрый и сильный – увидит ее и с первого взгляда поймет, что она – та единственная, которую он искал всю жизнь, а дальше полный хеппи-энд в стиле а-ля Голливуд, то есть буря аплодисментов, красная дорожка и «Оскар».

Но в очередной раз не случилось, никто не пришел и, соответственно, не нашел. Все было привычно ожидаемо. Семьи, преимущественно представленные составом из нескольких поколений, где старшие, судя по предполагаемому возрасту, лично знали Суворова и Кутузова, а младших сюда привезли прямо из родильного дома, и каждый со своей корзинкой, где лежало все необходимое для полноценного пикника на берегу моря. Взрослые ели, пили, играли в карты, дети всех возрастов, предоставленные сами себе, орали и безумствовали по мере своих возрастных особенностей и потребностей. Правда, был и эксклюзив, выпадавший из общего колорита. Это несколько парочек с резко бросающимся в глаза возрастным диссонансом. Зрелого возраста «папики» с гладко выбритыми черепами, уверенные в том, что блестящая лысина их молодит и придает брутальности их по-бульдожьки отвисшим щекам, плавно переходящим в каскад подбородков, а уж те, в свою очередь, также плавно перетекали во внушительного раз-

мера животы. В первые дни они еще пытались втягивать свои желеино-дрожащие соцнакопления, а затем, решив, что здесь не та публика, перед которой стоит метать бисер, расслабились и стали похожи на «слонопотамов».

Женя не могла вспомнить, где слышала это слово, но в конце концов это и не столь важно, ей определенно казалось, что именно так в человеческом облике должны были выглядеть эти самые «слонопотамы». Естественно, рядом со «слонопотамными папиками» были утомленные всеобщим восхищением и в разы моложе своих «спонсоров» грудастые длинноногие красотки, которые отличались друг от друга только цветом купальников. На несколько дней было появилась «мадам», давным-давно перешагнувшая границу бальзаковского возраста и у которой всего было в избытке: веса, золотых украшений с бриллиантами и без и, конечно, яркой косметики. В своем отливающим серебром купальнике она напоминала кремлевскую новогоднюю елку. Даму везде сопровождал жгучий брюнет с рельефной мускулатурой, скуласто-мужественным лицом и взглядом преданного мопса черных, миндалевидных глаз. Он был значительно моложе своей «мадам» и годился ей пусть не во внуки, то в сыновья уж точно – но, как оказалось, для «любви», или что у них там было, возраст не преграда. Потом у них что-то не заладилось, и «мадама» со своим «милым другом» достаточно быстро исчезли.

Несмотря на определенные неприятные мелочи, без которых обойтись невозможно, все равно отдых был замечательным. Море, горы, солнце – что еще надо измученной нервной системе, и, главное, она выпалась. На какое-то время отступила та жуткая усталость, которая возникает из-за постоянного напряжения и, как ядовитая ржа, съедающая закаленную сталь, постепенно уничтожает душу и тело.

Евгения пристегнулась ремнем безопасности и подняла глаза на стюардессу. Та, затянута в фирменный костюм, с намертво прилипшей искусственной улыбкой на уставшем лице старательно изображала радушие и с видимым усилием демонстрировала, что она просто счастлива видеть всех присутствующих здесь в салоне их самолета и на их рейсе. Привычно, в унисон со звучащим из динамиков за ее спиной радостным голосом, стюардесса размахивала руками, показывая, как надевать спасательный жилет и где находятся запасные выходы. Женя внезапно поймала себя на мысли, что стюардесса похожа на деревянного человечка-марионетку с шарнирными суставами, только ниточек, за которые дергал невидимый кукловод, не было видно.

Гранд-дама размера XXXXXL и примерно такого же возраста, с трудом втиснувшись в соседнее кресло, все это время копалась в огромной, под стать ей, хозяйственной сумке, которую наверняка купила на каком-нибудь блошином рынке, где предприимчивый продавец выдал этого «монстра» за эксклюзивную дизайнерскую модель от-кутю, что в переводе на нормальный язык означало «сшито китайскими умельцами и разрисовано параноиком в стадии обострения заболевания».

– Я вам сейчас покажу интереснейшие фото, – радостно, с тяжелой одышкой сообщила она неизвестно кому и с трудом извлекла из недр своего баула старенький планшет.

Евгения тут же в красках представила себе все возможные последствия такого общения. За три с половиной часа полета она должна будет пересмотреть невероятное количество фотографий и выслушать сопровождающие их жизнеутверждающие комментарии: «вот я и море, вот я и горы, вот я в парке, столовой, вот я во дворце» и еще куча «вот я». Женя была готова отдать голову на отсечение, что из-за пышных форм этой «фотомодели» невозможно будет угадать даже контуры тех достопримечательностей, на фоне которых проводились съемки. Но ведь соседке наверняка этого будет мало, здесь в обязательном порядке потребуется ответная реакция в виде обязательного восхищения предоставленными «шедеврами», в итоге, когда они сядут в Пулково, ей будет обеспечена головная боль, испорченное настроение и полное ощущение, что она всю жизнь на шахте кайлом руду добывала и отдыха не было минимум лет десять. Вздвогнув от разворачивающейся перед ней перспективой, Женя нервно выдавила

из себя извиняющуюся гримасу и быстро засунула в уши наушники, причем с такой силой, что они едва не встретились друг с другом где-то в глубине ее черепной коробки, включила музыку и быстро закрыла глаза. Не успел отзвучать рыдающий смех Канио из «Паяцев», как «фрекен Бок», найдя нужный альбом, локтем, похожим на огромное колено, чувствительно толкнула ее в бок и сунула ярко светящийся экран планшета прямо в лицо. Соседка, по-видимому, сразу для себя решила, что Женька одновременно страдает близорукостью, глухотой, а заодно, наверное, и слабоумием. Заполняя собой весь экран планшета, сторонница бодипозитива с нескрываемой гордостью демонстрировала свои телеса с едва угадывающимися в телесных складках нитками яркого бикини в цветовой гамме а-ля «пожар в джунглях». Первым впечатлением было, что на снимке был изображен морской котик, у которого живот занимал одну треть пляжа, а филейная часть – другую, зато через дырочку в мочке уха проглядывался неясный силуэт Ласточкиного гнезда.

– Это я! – радостно рявкнула она, тыкая мясистым пальцем в экран.

Паваротти в наушниках, не допев «Вернись в Сорренто», странно икнул и умолк, сосед «котика» с другой стороны, юноша весьма тщедушного вида, от неожиданности выронил из рук книгу, а над спинкой впереди стоящего кресла появилась взлохмаченная голова особи неопределенного пола с открытым ртом и круглыми от удивления глазами. Все с неподдельным интересом воззрились на того, кто смог перекричать рев двигателя идущего на взлет авиалайнера.

– Извините, – Евгения как можно деликатнее постаралась отстранить от себя планшет, который был готов вот-вот расплющить ей нос, – это все очень интересно, но мне через несколько часов выходить на работу, и я б хотела немного поспать. Она лукавила, на работу ей было через три дня, но на

какие ухищрения ни пойдешь во имя собственного спасения.

– Напрасно вы отказываетесь, – обиженно пророкотала «котик» и, перейдя на интимный (по ее мнению) шепот, то есть снизив тональность на пару децибелов и активно брызгая слюной, добавила: – А вдруг что случится? А вдруг мы – бац! И все! Конец!

Сосед справа вновь выронил книгу и с явным испугом стал оглядываться по сторонам, а над спинкой впереди стоящего кресла вновь появилась взлохмаченная голова, только глаза у непонятной особи были уже не круглыми, а квадратными.

– Никакого «бац» не будет! – яростно прошипела Евгения, чувствуя, что ее хорошие манеры, так же как и хорошее настроение, исчезли быстрее, чем огни Симферопольского аэропорта в ночном иллюминаторе.

Дама, что-то недовольно фырча себе под нос, вновь углубилась в недра своей сумки, и результатом ее поисков оказались огромный лаваш и массивное кольцо копченой колбасы.

– Будешь? – протягивая свой «сухой паек» и внезапно перейдя на «ты», обратилась она к Евгении таким тоном, который (даже если бы та умирала с голоду) заранее предопределял отрицательный ответ, и та не обманула ее ожиданий, категорически покачав головой. – И напрасно, – заулыбалась во весь рот «котик», – я, когда нервничаю, всегда много ем.

Судя по ее габаритам, она живет в состоянии хронического гиперстресса. Евгении очень хотелось озвучить свою мысль, но благоразумие взяло вверх, и, промолчав, она закрыла глаза, а чтобы заглушить чавканье соседки, сделала музыку погромче. В принципе она ничего не имела против чрезмерно толстых, так же как и чрезмерно худых, ни лиц другого вероисповедания, половой ориентации, и так далее и тому подобное. Немалый жизненный опыт научил ее не то чтобы толерантности, а скорее знанию того, что среди любой категории гомо сапиенс и не совсем гомо, а тем более сапиенс можно встретить как необыкновенно порядочных людей, так и отъявленных мерзавцев. Женя старалась никого не осуждать, но если в человеке присутствовала черта, противоречащая ее восприятию мира, а тем более моральным устоям, она не старалась это понять и принять. Как бы ни было выгодно подобное знакомство, расставание становилось неизбежным, и она уходила, уходила как сухой песок сквозь пальцы, который, как

бы крепко ни зажимали в кулаке, удержать невозможно. Часто плата за это была высокой, даже чрезмерно... Не закончив мысль, она уснула под Джеймса Ласта.

Глаза открылись сами собой, когда шасси лайнера мягко коснулись посадочной полосы. Женя сладко потянулась в кресле и активно подвигала конечностями.

Рядом, заглушая все – затихающий шум двигателей, ор детей, переговоры в голос пассажиров, призывы стюардесс оставаться всем на своих местах, – громко стенала о своей нелегкой доле «знойная женщина, мечта поэта». Естественно, она встала первой и, подхватив свой баул, как не знающий преград флагманский авианосец, двинулась к выходу. По дороге она весьма нелестно комментировала полет, одновременно обсыпая всех, кого встречала на своем пути, огромным количеством разного рода крошек, скопившихся на ее необъятных животе и груди.

Субтильный, постоянно роняющий книгу юноша, который являлся до этого единственной и весьма эфемерной преградой между дамой и проходом, едва уловив малейшее движение с ее стороны, тут же растворился в неизвестном направлении, будто его и вовсе не существовало в природе. Ни стюардессы, ни пассажиры бизнес-класса – никто не посмел оспорить ее лидерство и встать на ее пути к двери выхода, единственные, кого она все же пропустила, были члены экипажа, которые, стараясь максимально сохранить лицо, с трудом протиснулись между ней и стенкой коридорчика и первыми покинули корабль.

Получение багажа не заняло много времени. Как всегда, и это уже по давно сложившейся традиции, на ее выдавшие виды дорожную сумку навалился чемодан, причем самый огромный из всего потока багажа, движущегося на ленточном транспортере. Наверное, косметичка моей «крошки-соседки», беззлобно подумала Евгения. С трудом, со второй попытки ей все же удалось вырвать свой раритет из-под комодообразного пластикового чудовища и вздохнуть с явным облегчением (ее вещи не улетели другим рейсом и нигде не затерялись – это раз; сумка не развалилась на части в момент ее надрывного извлечения – это два; вещи на руках, так что, считай, ты уже дома – это три; и впереди еще три дня отпуска – это четыре). Так что жизнь удалась, похвалила она себя.

Среди небольшого количества своих достоинств (и прилагающихся к ним несметного количества недостатков) самым замечательным было то, что она умела искренне радоваться мелочам, изначально исходя из того, что все могло быть значительно хуже, но не случилось же, и это уже здорово! Иногда это начинало граничить с идиотизмом, а может, она была излишне строга к себе? Может, если не это качество – умение ценить эти самые мелочи, она бы уже давно находилась в состоянии стойкой депрессии со склонностью к суициду.

– Женя! Женька!! Женечка!!! – неожиданным баском завопила модельной внешности длинноногая блондинка в возрасте от двадцати восьми до сорока лет в зависимости от освещения, макияжа и настроения. Сейчас ей было сорок, и она, с выражением лица утопающего, стремящегося к единственному в радиусе ста километров спасательному кругу, активно расталкивая всех локтями, прорвалась через толпу встречающих и повисла на ее шее. – Женька!!!

– Даша?! Что ты здесь делаешь?! – прохрипела та, безуспешно стараясь вырваться из цепких, накачанных в тренажерных залах рук подруги и поняв, что еще немного, и ей сейчас понадобится специализированная помощь реаниматолога, из последних сил выдавила: – Да пусти же! Задушишь!

Высвободившись и пройдя этапы радостных возгласов и поцелуев, Евгения с удивлением смотрела, как всего за две недели изменилась ее лучшая подруга. Они дружили страшное количество лет. В свое время делили игрушки в песочнице, затем школьную парту и студенческую скамью, и никогда не было ничего подобного.

– Даша, ты здесь откуда? – осторожно поинтересовалась Женя. – У нас все нормально? Все живы?

– Ну ты скажешь! С ума сошла! – с преувеличенной бодростью произнесла та и странно хлюпнула носом.

– У тебя сейчас глаза косят, как у булгаковской секретарши.

– Ой, да ладно, – Дарья демонстративно свела глаза к переносице и скорчила уморительную рожицу, – у тебя покурить есть?

– Сама не курю и вам не советую, – процитировала рекламный слоган Евгения, которой от гримас подруги стало не то что не смешно и даже не тревожно, а по-настоящему страшно, – ты бросила почти год назад, чего опять-то? Ты вспомни, какая гадость потом во рту. Никакая жвачка не помогает, которая, кстати говоря, тоже гадость.

– Если это запить водочкой и заесть салом с чесноком, то будет все равно, – авторитетно заявила Дарья, отводя взгляд куда-то в сторону, и вдруг без передышки выпалила: – Меня Макс бросил. Ушел к двадцатилетней или восемнадцатилетней, точно не знаю. Она то ли модель, то ли актриса, одна из тех, кто всегда востребован мужским полом. Ну, короче, к какой-то очередной восходящей «звезде». И у них там, кажется, то ли любовь, то ли чувство долга... Я не очень поняла. Он что-то там говорил, но я не запомнила. Женя поверила сразу. Внутри все сжалось и заледенело. Дашка с Максом были потрясающей парой, оба высокие и красивые, сильные и остроумные. Вокруг них всегда бурлила жизнь. Пять лет вместе не разлей вода до брака, десять в браке. Всегда и везде вместе... И вдруг... В один миг...

– Упс, – только и смогла выдавить из себя Евгения и как-то неуверенно продолжила: – Может, это мимолетная интрижка, ну, знаешь там, кризис среднего возраста... бес в ребро... Перебеситься, наиграться и вернуться... Последнее она сказала уже больше для себя, чем для подруги.

– Она беременна...

А вот это был конец.

У Максима с Дашкой детей не было. Сначала сами не хотели, потом не получалось, но было не до пустяков, на первом месте была карьера Максима и становление его бизнеса. Даша как преданная жена обеспечивала надежный и комфортный тыл, когда состоялись, надо было пожить для собственного удовольствия, а ребенок – если еще пару лет само не получится, тогда и будем обследоваться, такие планы озвучивала Дарья, а Максим шутил, что их аист стаю собирает, так как одному такое количество мальцов не донести.

Евгения пробовала остановить скачущие в безумной чехарде мысли и сосредоточиться на одном – Даше, ее любимой Дашке сейчас очень плохо. Да, она этого Макса с его малолетней метелкой на куски порвет, на ноль помножит, загонит туда, куда Макар телят не гонял! Пусть они только ей попадутся. Руки непроизвольно сжались в кулаки, но вместо этого она как можно беззаботнее спросила:

– Ленке звонила? Она знает?

Ленка – их подруга и сверстница, пухленькая белокурая кудряшка, имеющая всегда немного полусонное выражение лица, за что среди подруг носила прозвище «овечка Долли». Она имела за плечами филфак, кандидатскую степень и ныне в должности доцента кафедры с усердием, достойным лучшего применения, сеяла в своем университете умное, доброе, вечное. «Сеяла» то, что настоятельно рекомендовали министерские чиновники от образования, и, изучая сверху спущенные учебные планы, немилосердно ругалась, грозя всем, что скорее уйдет торговать пивом, чем будет этому учить студентов. Но потом успокаивалась и без вдохновения и искры в глазах делала свою работу. Ее муж Николай Петрович, голубая кровь и «белая кость», имеющий истинные (не купленные) дворянские корни, профессор того же универа, где Ленка занималась «посевными» работами, был старше ее более чем на четверть века и всего на несколько лет моложе ее матери, своей тещи Зинаиды Михайловны. Та, в свою очередь, была категорически уверена, что разница в возрасте, пусть и небольшая, позволяла ей обращаться к зятю по имени, а учитывая его происхождение, то и на французский манер – Николя. Если

вдруг между ними вспыхивала ссора (что было не редкостью), Зинаида Михайловна, убирая французский прононс, переходила на чистый русский язык, ограничивалась холодным – Николай.

Полгода назад Николая (со слезливой томностью в голосе и романтической поволокой в глазах) признался Елене, что наконец «ЭТО» свершилось, и он встретил своего ангела. Да что там ангела – богиню. Многие всю жизнь ищут ту «единственную» и не могут найти, а ему повезло – вот «счастье-то». Она его муза, Офелия, Лаура, понимающая и любящая, «тонкая» и «звонкая», чистая и прекрасная как утренняя заря, короче, настоящая Аврора, Венера, далее следовало неимоверное количество эпических дифирамбов, звучавших в том же духе. Классики, воспевающие женскую красоту, начиная с поэтов Древней Греции и заканчивая нынешними «звездами» поэтического Олимпа, могли бы захлебнуться от зависти к такому богатейшему словарному запасу, который в тот момент демонстрировал Николай Петрович, описывая свою избранницу. Ленка, рассказывая о произошедшем, смогла объяснить свое «интеллигентное спокойствие и выдержку» только тем, что до нее не сразу дошел смысл происходящего. На первой же фразе, что муж уходит к другой, ее мозг категорически отказался воспринимать дальнейшее. Николай Петрович гордо положил ключи от квартиры и объявил, что «он ни на что не претендует и оставляет ей все», ушел в новую жизнь, тихо закрыв за собой дверь. А не претендовал Николай Петрович ни больше ни меньше на огромную трехкомнатную квартиру в историческом центре Петербурга, которая была сверху донизу заставлена и увешана дорогим антиквариатом – наследие предков, коллекционеров и меценатов; это был двухэтажный зимний дом в курортной зоне под Питером, ну и так, по мелочам – машина и небольшой счет в банке.

Покидая «родительское гнездо», Николай Петрович взял с собой только один-единственный темно-коричневый фибровый чемодан с потертыми кожаными углами и металлическими накладными замками. Туда были сложены: серебристая в темно-синюю полосу шелковая пижама, парадный костюм из английской шерсти, смена нижнего белья, тапочки и томик любимого Михаила Булгакова.

Чемодан был семейной легендой и торжественно передавался из поколения в поколение. Его с нескрываемой гордостью показывали всем гостям, бывающим в их гостеприимном доме. Именно с этим чемоданом его дед Иван Николаевич, обедневший дворянин (по семейной легенде – состоявший в тесном родстве с кем-то из сосланных декабристов), приехал из Благовещенска в конце XIX века поступать в Санкт-Петербургский университет и, с блеском его окончив, был оставлен на одной из кафедр, которую впоследствии многие годы и возглавлял; отец Николая Петровича Петр Иванович был сослан в лагерь во время сталинских репрессий по пятьдесят восьмой статье за контрреволюционную деятельность. Он посмел с кафедры уже Ленинградского университета блеснуть знанием современных работ английских и немецких писателей и с этим же чемоданом (по амнистии в пятьдесят третьем) вернулся домой и начал новую, весьма успешную жизнь. Чемодан, потертый во всех возможных и невозможных местах, убитый нелегкой жизненной стезей, стал семейным символом начала нового и обязательно светлого будущего.

Домой, так сказать, «в лоно родового гнезда», Николай Петрович вернулся достаточно быстро, буквально через пару часов после того, как за ним закрылась массивная дверь их квартиры. Ленка даже не успела еще выйти из состояния психологического ступора. При возвращении «блудный муж» имел весьма жалкий вид. Прижимая к груди Булгакова и крышку от разбитого в щепки чемодана, под холодные комментарии тещи, что прибыл «саладон кобелирующий, одна штука», Николай Петрович прямо в коридоре свалился на руки Елены.

Оказалось, что его Дульсинея, она же нимфа, она же Джульетта, приехала из ближнего зарубежья не столько за знаниями, сколько за российским гражданством и питерской пропиской с обязательно прилагающейся к ней жилплощадью. Когда она увидела на лестничной площадке своей съемной (еще с тремя студентками) двухкомнатной квартиры «любимого» про-

фессора с чемоданом и услышала, что он оставил ВСЕ?! своей бывшей, не мудрствуя лукаво, тут же в значительной степени обогатила словарный запас профессора такими словами, о существовании которых он даже не подозревал. Свое словоизвержение «гений чистой красоты» сопровождала определенными жестами, значение которых для профессора филологии, потомка сосланных декабристов, навсегда осталось тайной. В завершение своего темпераментного монолога «дивное создание» выкинула знаменитый чемодан в лестничный пролет, который, красиво пролетев несколько этажей, славно закончил свои дни на плиточном полу первого этажа панельной многоэтажки, при этом рассыпавшись на несколько частей. Николай Петрович в тот же день на скорой с сиреной и мигалкой был госпитализирован. В больнице у него диагностировали обширный, проникающий инфаркт миокарда, из которого он выкарабкался с большим трудом.

В итоге он потерял не только пост завкафедрой, но и проникновенное уважение тещи, зато приобрел нерабочую группу инвалидности. Теперь профессор вел здоровый образ жизни, планируя дожить не менее чем до ста лет. Диета, восьмичасовой сон ночью и два часа днем, двухчасовые прогулки на свежем воздухе независимо от погодных условий и, конечно, получение только положительных эмоций: перечитывал классику, завел огромного черного мейнкуна, которого, естественно, звали Бегемот. Его он холил и лелеял, балуя всякими деликатесами. Кот рос как на дрожжах и обещал превратиться в настоящего бегемота, только покрытого шерстью. Наглое животное обожало своего хозяина и демонстративно презирало всех остальных смертных.

Зинаида Михайловна, не простив блудного зятя, с видом оскорбленной «вдовствующей императрицы» демонстративно избегала любых поводов для общения с ним и с дочерью. Кота ненавидела всей душой за обилие шерсти, которая валялась по всей квартире; за то, что у этой «зажравшейся наглой морды» в блюдах засыхала красная икра и другие вкусности, купленные за «безумные» деньги, а самое главное – он был любимцем Николая Петровича и находился в доме на привилегированном положении. Она делилась «трудностями своего бытия» не только со своими подругами, но с каждым встречным поперечным, «что это выше ее понимания, зачем ее «девочке» (которой в этом году исполнялось сорок) такой, уже бывший в употреблении старый и облезлый «хомут», да еще вместе с мохнатым монстром, который когда-нибудь загрызет всю их семью.

– Не звонила, – ответила Дашка, – там Зинаида Михайловна правит бал и периодически ведет кровопролитные бои с зятем. Ленка между ними – как на пожаре высшей категории сложности: сначала гасит огонь, а затем реанимирует пострадавшие стороны. Так что ей там только меня не хватало... Поехали ко мне, пока Макс дом не отобрал, – внезапно предложила она, резко сменив тему, и вновь шмыгнула носом. – Степа нам баньку соорудит, посидим по-нашему, по-девичьи. Расскажешь, как отдохнула...

– Ты что, простыла? Так носом шмыгаешь, – спросила Евгения и, не дожидаясь ответа, озвучила внезапно пришедшую в голову дикую мысль: – Думаешь, он может отнять дом?

– Женя, он неизвестно сколько времени меня обманывал – год, два, а может, и больше, при этом поддерживая иллюзию счастливой семейной жизни, и, нужно отдать ему должное, у него это лихо получалось, так что ему помешает явиться на порог и сказать, что я в течение часа должна освободить занимаемое помещение. Ни-че-го! Ты понимаешь, Женька, ни-че-го!!!

– Так, все, закрыла рот! – командным голосом прервала Евгения начинающуюся истерику, – теперь носом глубокий вдох, губки трубочкой и медленный выдох. Так иногда она позволяла себе говорить с женщинами во время родов, когда те, теряя над собой контроль, начинали метаться и кричать, что в самый ответственный момент могло сыграть плохую роль для рождающегося малыша. – Надеюсь, ты не за рулем, а то все-таки еще хотелось бы немного подзадержаться на этом свете, ну, скажем так, хотя бы ради любопытства. Да, и еще есть одно

совсем нескромное желание – хочется, чтобы фонарный столб во всей своей каресе не стал последним предметом, который я увижу в этой жизни.

– Любопытство наказуемо, – с глубоким трагизмом в голосе выдала избитую истину Дарья и, сглотнув, добавила: – На такси приехала...

– Ну вот и умница! Почти философствуешь – значит, еще не все потеряно, – Евгения решительно взяла бразды правления в свои руки. – Я вызываю таксо, а ты утри мордасы, только без фанатизма, а то, знаешь ли, размазанная по лицу тушь еще никого не красила, а уж твое опухшее тем более, и звони Степе. Нехай «накрывает поляну», только никаких там сигарет и прочих излишеств типа ведерного бутылки горилки и мужского стриптиза, а то завтра «голова бобо и во рту кака». Негатив надо выгонять в баньке, с веничком. И прекрати булькать, а то Степа решит, что ты ей звонишь в агонии сказать последнее «прости».

В такси они забрались на заднее сидение. Молчание было тяжким.

– Это было два дня назад, – вдруг начала Даша. – Он приехал из офиса чуть раньше, и все было вроде как всегда. А потом просто сказал, что любит другую, что она ждет от него ребенка и что он уходит. Встал из-за стола и уехал. Я даже слова не успела сказать. Просто встал и ушел. И я теперь не знаю, как жить дальше...

– Ой! Да ладно. Что значит, как жить? Да счастливо, черт подери! Послушай, подруга, что я тебе скажу: ничего такого катастрофического не произошло. Мужчины приходят и уходят и снова приходят – закон Мерфи...

– Кого?!

– Неважно. Это типа того, что, если что-то может пойти не так, значит, пойдет не так. Ну вот как у тебя в данном случае, а у меня практически всю жизнь. И не встречай с глупыми вопросами, а то у меня как раз умная мысль пошла. Конечно, я не собираюсь спорить, что сложно вычеркнуть из памяти пятнадцать лет совместной жизни, но то, что он ушел, это еще не означает, что всему конец и надо искать место на ближайшем кладбище. Даже не думай! А твой «ситный» поиграется с новой игрушкой. И его понять можно – молодое тело, куча энергии, новые охи, вздохи, немецкая порноиндустрия небось обзавидовалась. Уверена, к бабке не ходи, эта девица слушает его, открыв рот, и каждое слово для нее как откровение свыше. Для того чтобы с ним общаться, нужно быть не просто умной, а очень умной, а ты, Дашенька, очень умная. Та же малолетка, она же не общается – она слушает! Понимаешь разницу? Потом это надоест, ни сегодня, так завтра или через месяц он ей процитирует Аркадия Райкина: «Дура, закрой рот! Я все сказал!» И юная свежесть, которой она его взяла, тоже не вечна, ко всему быстро привыкаешь, особенно если видишь каждый день. Может, у него мозги наконец заработают, и, как там у Тушновой, ну почти как у Тушновой: «Ты перестанешь ждать его, а он придет совсем внезапно», а если и не придет – мужик с возу, бабе легче. В конце концов, какие наши годы, у нас вся жизнь впереди. Если представить себе на минуту, что он тебя выгонит из терема, да плевать, все равно эти хоромы содержать не на что, да и незачем. Переедешь ко мне, ну а там дальше посмотрим, как жизнь будет складываться...

– Да, перспективы так себе, – серо произнесла Дашка.

– Ты что, маленький ребенок? – вдруг стала закипать праведным гневом Евгения, – ишь мы несчастные, мужик бросил. Да мы с тобой новую жизнь начинаем, такое замутим, что чертям в аду тошно станет! Ты свободна, я свободна – весь мир у наших ног. Некоторые еще обрыдаются, а мы их пинками, пинками, пусть знают свое место. Ты, кстати, придверный коврик не выбрасывай, а то кое-кому на уличных ступеньках будет спать холодно...

– Но ребенок...

– Ха, а что ребенок? Еще неизвестно, его ли это ребенок, а даже если и его, еще ни одной женщине не удалось к себе таким способом привязать мужчину. Ну, время покажет, и вообще, вспомни наш девиз в универе...

– «Видали мы похлеще львов, но и от них летели клочья», – в голосе Дашки прозвучал пусть не оптимизм и даже не его зачатки, а лишь робкая надежда на него. – Жень, какая ты молодец, и как хорошо, что ты рядом, а то уже совсем худо было.

– Ну, до «совсем» нам как до Луны пешком, и лично меня это радует...

– Ви, такие красивые дэвушки, – с ярким южным акцентом вдруг заговорил водитель, притормаживая машину, – у меня такой брат ест, ну очень сильный и всегда такой за справедливость, а если ему спасибо заплатить, так плохого человека никакая полиция не найдет...

– Слушай, дорогой, ты давай на газ поактивнее жми, – резко оборвала его Дарья, – моя подруга – профессиональный снайпер (Евгения почувствовала, как от таких слов у нее повысилась давление). И неожиданно с гордостью закончила: – Она чемпион мира по биатлону (Женя на лыжах последний раз стояла в третьем классе на уроке физкультуры, а оружие в руках держала только холодное – это был кухонный нож).

– Слюшай, я о такой женьщине всегда мэчтал, – выжимая скорость, заохал водитель, с интересом разглядывая их в зеркало, и вдруг перешел на чистый русский язык, – может, работа нужна? Хорошие деньги можно заработать.

– Знаешь что, «птица-говорун», будешь отвлекаться от основной работы, тогда я достану электрошокер, и остальной путь ты продолжишь в багажнике, – чуть склонившись к его уху, очень нехорошим полусшепотом произнесла Дашка. – Еще, «дружочек», какие-нибудь вопросы или предложения будут?

«Дружочек» отрицательно замотал головой и, втянув ее в плечи, с такой силой вдавил педаль газа в пол, что казалось, за окнами промелькнул Париж и на горизонте замаячил Дакар.

– О, смотри, приехали, а вон и Степа нас встречает, – и, удивив Евгению быстротой реакции, Дашка за долю секунды до торможения успела упереться руками в спинку водительского сиденья. Женя пристегнула себя ремнем безопасности сразу, как их водитель после угрозы применения электрошокера постарался на стареньком «вольво» преодолеть звуковой барьер. Мысленно похвалив себя за предусмотрительность, которая позволила ее носу и остальным составляющим деталям лица остаться в целостности и сохранности. Такси резко остановилось, предварительно издав рвущий барабанные перепонки визг тормозов и выбив из-под колес волну щебня, сравнимую по размеру с небольшим цунами.

Степа. Она же Степанида Матвеевна. Она же дальняя-предальная родственница хозяйина дома (примерно седьмая вода на киселе) приехала пару лет назад из Александровки, находящейся где-то под Одессой, посмотреть Питер, да так и осталась, в надежде, что в ближайшее время на ее «ридной маты Украины» все образумится и встанет на свои места. На какие именно места, она, правда, не уточняла. Задержавшись в доме легкомысленного родственничка (в момент ее приезда он был еще в стадии вменяемости), Степа незаметно, в течение месяца, вытеснила всю прислугу, заменив собой всех, кроме дяди Васи.

Дядя Вася, для своих, и Василий Иванович, для всех остальных, – безотказный умелец на все руки и добрейшей души человек. Он приближался к шестидесятилетнему юбилею, хотя выглядел лет на десять старше. Коренастый «боровичок» с очень колоритной внешностью, одни его огромные усы, плавно переходящие в пышные бакенбарды, чего стоили (куда там бедному Пуаро Агаты Кристи), хотя иногда, и это зависело от его настроения, он становился похож на старого моржа. У него было любимое выражение «полный пердюмонокль, голуба моя», которое он употреблял при любом удобном случае как в качестве полного удивления, так и в качестве абсолютной радости и довольства, или разочарования, чувства безысходности или отрицания. Дядя Вася блестяще справлялся с обязанностями сантехника, электрика, садовника, плотника, слесаря, был на все руки мастер и, наверное, если бы его хорошо попросили, вполне мог из подручного материала собрать небольшую атомную бомбу. То ли его способность оказываться в нужное время и в нужном месте, умелые руки и немногословность, то

ли его неординарность, но что-то явно сыграло решающую роль, и он по милостивому благоволению Степаниды Матвеевны был оставлен в неприкосновенности.

Сама же она благополучно находилась в том возрасте, когда женщина чувствует себя свободной и могла сама выбирать, кому нравится, а кому нет. Говорила мягко и певуче, лихо перемежая русские и украинские слова, при этом иногда используя яркие одесские выражения. Была категорична в суждениях и не признавала полутонув. Хорошему радовалась искренне и от всей души, если расстраивалась, так слезы в три ручья, ну прямо вселенское горе, а когда сердилась, то кипела, яростно ругаясь на украинском, но так как практически никто ничего не понимал, то никто и не обижался. Еще она очень любила во время уборки или готовки «спивать ридни» песни, и ее грудной голос проникал в самое сердце.

– До самых печенок прошибает, – с серьезным видом, как-то тяжело вздохнув, сказал дядя Вася и тут же добавил, обращаясь неизвестно к кому: – Вот такой пердюмонокль, голуба моя.

Она была невысокого роста, округлая во всех местах, розовощекая, про таких в любом возрасте говорят «кровь с молоком», и от ее облика веяло здоровьем, радостью жизни в сочтении со всемирным спокойствием. И именно в ее ситуации внешность была обманчива. Степанида обладала железным характером, и когда ее единственный сын встал под бандеровское знамя украинских нациков, она прокляла его, запретив кому-либо произносить его имя. Однажды только сказала, что в жизни осталось одно утешение: «шо ее чоловік не дожил до той поганой «самостийности» Украины и появления в доме того поганого фашиста». Больше к этой теме она не возвращалась. Никто не слышал от нее жалоб на здоровье, цены, соседей, политиков любых рангов и мастей, погоду, судьбу, у нее вообще никогда не было жалоб, и казалось, что в жизни ее все устраивало.

Сейчас Степанида стояла у ворот, скрестив руки под пышной грудью, она даже бровью не повела, глядя на лихое торможение подъехавшей машины. Лишь когда водитель метеором метнулся к багажнику, при этом слезно причитая, что он так был рад везти таких красавиц и что ни в коем случае ни копейки ему, «недостойному», не надо и он всегда будет рад оказать им посильную помощь, у нее чуть дрогнули губы. Подруги не успели перевести дух, а такси на бешеной скорости уже скрылось за ближайшим поворотом.

– И шо це такэ було? – с легким удивлением в голосе поинтересовалась Степа, – побег, як наскипидаренный. Вы за шо обидели «убогенького», иш як злякался, у, злыдни мои дорогие, как добрались, красуни? Евгения Павловна, вы так гарна – очи не отвести, видно, хорошо ви отдохнули. Только почему одна, а принц где? Ой, да ну их, тех принцев, – и тут же сама себе ответила, – то не принцы, а так, черти шо, та сбоку бантик, – и, легко подхватив вещи, выгруженные посередине дороги, несмотря на яростные Женькины протесты, понесла их в дом. – Вы сейчас с дороги чуть дух переведете, слегка перекусите – и в баньку, там уже готово, а потом уже будем вечерять по-справжняму.

– По какому? – не выдержала Евгения, прервав поток русско-украинской мовы Степаниды.

– Так, тэ ж по-настоящему, – улыбнулась она, – пойдете, Евгения Павловна, я вас до комнаты провожу. Переоденетесь, умоетесь, потом к столу – квасу выпьете, а я в бане как раз температуру подгоню, щоб вам обоим хорошо было.

Степанида Матвеевна говорила ровно, мягко произнося не «к», а «х» или вообще пропускала ее как несущественную и еще часто «что» заменяла на «шо». Пропуская Женю в ее комнату и убедившись, что поблизости нет Даши, она заговорила жестким, не терпящим возражения голосом.

– Евгения Павловна, вы уже наверняка знаете, что этот злыдень, мой племянничек, что б он был жив и здоров, нашел себе малолетнюю курву, которая тут же, можно сказать, не отходя от кассы, от него забеременела. Этот поц приезжал сегодня вечером, хотел поговорить и сказал,

что приедет завтра. Хорошо, если Дарья Александровна будет к этому готова, а вы, я знаю, сможете ее настроить. Вы же завтра не уедете?

– Мне на работу только в понедельник, так что впереди еще три дня, и поставьте уже куда-нибудь сумки, а то они своей тяжестью вам руки оторвут. Степанида кивнула головой и, оставив вещи, продолжая разговаривать сама с собой, вышла из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь. Евгения, как подкошенная, рухнула в стоявшее в углу комнаты огромное кресло и, буквально утонув в нем, сложив руки на животе и вытянув ноги, задумалась. Долго сохранять хорошую мину при складывающихся обстоятельствах она не сможет. Если Максим действительно завтра скажет, чтобы Дашка выехала из этого дома, тогда можно будет жить у нее. Конечно, там не царские хоромы, но квартира двухкомнатная, и пусть комнатки маленькие, но отдельные, и «удобства» все-таки не «на улице», да и горячая вода есть, хотя и не всегда. А вот вопрос финансов вызывал не просто тревогу, а настоящую панику. В голове, будто в улье, монотонно и нудно гудел извечный русский вопрос: «Что делать?» Почти год Евгения вынашивала мысль о том, что она уйдет из клиники. Она эту мечту холила и лелеяла, как нежный цветок, случайно родившийся среди ледников Арктики, и это придавало ей силы дотянуть до отпуска. Именно после отпуска планировалось подать заявление об увольнении. Она и с моря вернулась раньше, чтобы в тишине домашних стен еще раз все осмыслить и в полной мере взвесить все за и против, хотя заранее знала, что «против» будет значительно больше, и здравый смысл настоятельно рекомендовал оставить эту дикую затею, а сердце рвалось на части и орало «дурным» голосом: «Уходи!!! Лучше в подъезде полы мыть, чем оставаться здесь!!!» Пожалуй, если в течение двух-трех месяцев, на которые отложены деньги, она не найдет работу по специальности, надо будет расширить зону поисков вне медицины, и вполне возможно, действительно придется мыть лестницы. Хотя, что в этом страшного – физические нагрузки хороши для телесного здоровья, а сведение до минимума общения с социумом укрепит нервную систему.

У меня эмоциональное выгорание – этот диагноз Евгения поставила себе еще до отпуска, что значительно хуже синдрома хронической усталости.

Сделав массаж головы в надежде привести мысли в порядок, она добилась только того, что безбожно растрепала волосы, до этого момента (по ее мнению) уложенные в нехитрую прическу. Решив, что все придет само собой, и понадеявшись на вдохновение, она решительным рывком извлекла свое тело из кресла и, скинув старые кроссовки, засунула уставшие ноги в «дежурные» тапочки, аккуратно поставленные Степой возле кровати. Кровать была размером по Козьме Пруткову – «необъять необъятное», то есть, в переводе на современный язык, чуть меньше хоккейного поля. Когда в свое время она поинтересовалась у Максима, а зачем, собственно, ей одной такое огромное ложе, он туманно ответил, что всякое может случиться в жизни. Но не случилось ни «всякого», ни «невсякого».

Дашка, скучая в одиночестве за столом, рисовала на запотевшем глиняном кувшине сердце, пронзенное стрелой Амура и истекающее кровавыми слезами.

– Ты сейчас похожа на скисшее молоко, – сообщила ей Женька и, взяв кусок хлеба, стала послойно укладывать на него сыр, колбасу, кружок помидора и, увенчав этот кулинарный шедевр веточкой петрушки, продолжила: – Так все-таки чего грустим? И что там у нас в кувшине? Может, по глоточку?

– Там квас...

– ???

– Говорю, там домашний квас, – кисло произнесла Даша. – На меду. Степа сама делает, говорит, полезно для здоровья.

– Если полезно, то давай наливай, – покорно согласилась Евгения, подвигая большую глиняную кружку и активно жуя. – Сейчас попаримся, поужинаем, выспимся, а там утро вечера мудренее, может, какое озарение наступит или мир перевернется.

– Все в чудеса веришь, оптимистка, – то ли вопросительно, то ли утвердительно сказала Дарья, разливая по кружкам темную, пахнущую медом густую жидкость. – Я тут подумала, что раньше у меня не было работы, ну я имею в виду по специальности, но была личная жизнь, у тебя всегда была работа и практически никогда личной жизни, те редкие «недоразумения» или, как ты говорила, «мимолетные увлечения» не считаются. Теперь у меня тоже нет личной жизни, и работы тоже нет...

– Могу тебя успокоить, – запив квасом последний кусок бутерброда, прервала ее Евгения, не дав закончить мысль, – я в понедельник собираюсь, ну во всяком случае собиралась до общения с тобой, писать заявление об уходе, и личная жизнь у меня по-прежнему по нулям. Сразу отвечаю, пока ты не спросила, почему увольняюсь. Отвечаю. Мне не нравится, что без моего спроса копаются в моих вещах и пользуются ими. Как это ни смешно звучит, но я брезгливая; мне не нравится, когда роются в моих документах, вскрывая мои папки в компьютере, и даже не думают извиняться, когда попадают на этом; я испытываю «испанский стыд», когда мне лгут в глаза, даже не заморачиваясь, чтобы ложь хотя бы немного походила на правду, мол, и так пройдет, типа «пипл схавает»; мне не нравится, когда меня унижают по поводу и без повода...

– Тебе сразу говорили, что ты там не приживешься, – не дала ей закончить Дарья и залпом опорожнила свою чашку. – Из стаи белых ворон выбивают первыми, если свои раньше не заключут. Ты еще долго продержалась. И какие планы? Если, конечно, не секрет?

– От тебя, и секреты? Шутишь? Вот и нет никаких планов, – мрачно улыбнулась Женя и потянулась за новым бутербродом, – пока обнадеживает одно, вижу свет в конце тоннеля...

– Положи бутик, и хватит трескать, – Дашка шлепнула ладонью по зависшей над тарелкой с бутербродами Женькиной руке. – Про свет в конце тоннеля – это, конечно, здорово, но смотри, как бы он не оказался светом идущего навстречу поезда. Но, в общем, мы с тобой молодцы, быстро со всем справились: я с личной жизнью, ты с работой! Не, действительно, просто красавы! Столько лет складывали свою жизнь по кирпичикам, а потом – раз – и даже фундамента не оставили. Крутые мы с тобой.

– Ага. Даже спорить не буду, – согласилась Евгения, с демонстративной тоской глядя на бутерброды. – Дашь, а ты своего, ну если вдруг он надумает вернуться, «поймешь и простишь»?

– С чего бы это он возвращался? – у той от удивления округлились глаза, – а потом, в моих правилах решать проблемы по мере их поступления.

– Мудро, очень мудро, а главное, доходчиво и исключает возникновение новых вопросов и дальнейшее развитие этой темы.

– Э, барышни, – в полуоткрытой двери появилось пурпурное, как зрелый украинский помидор, лицо Степаниды, – не хочу вас э... не знаю, шо прямо сказать – чи пугать, чи расстраивать, но бани сегодня нэ будэ... Дело, як бы то сказаты мягче... Ну, там в бане, ну не в самой бане, а в предбаннике лежит труп... и он того, еще теплый, но мертвый, пульса нет и много крови... Степанида как-то горестно вздохнула и тяжело осела на стул, стоявший возле двери.

– У тебя руки в крови, – громко сглотнув горькую слюну, нервным шепотом произнесла Евгения, – это ты его... того...

– Ни, це я пульс у него шукала, – ответила Степа, с удивлением рассматривая испачканные руки, – вот недавно цего там не было, а теперь вин там е.

– Это нам с тобой, Женечка, «до кучи», – в украинской тональности добавила Дарья, медленно поднимаясь из-за стола. – Ну что, подруга, пойдём, глянем на тело... Может, его еще можно реанимировать... И, наверное, надо полицию вызвать.

– Нечего там реанимировать... Он там зовсим мертвый... – Степанида вытерла фартуком лицо и тяжело поднялась со стула, – вы... того... идите, а я полицию вызову.

– Степанида Матвеевна, а может, вы пошутили, – на всякий случай поинтересовалась Евгения и, не дожидаясь ответа, тут же переключилась на Дарью. – У тебя случаем в полиции знакомых нет, а то ведь могут сказать, что это мы его друженько прирезали.

Но его не прирезали. Ему размозжили голову.

Размозжили крупным булыжником, который оставил в области его затылка большую кровавую вмятину и теперь аккуратно лежал рядом с телом, весь перепачканный смесью крови и вещества коричневатого цвета.

– Судя по диаметру раны и ее глубине, искать у него пульс не имеет смысла, – холодно резюмировала Дашка, – интересно, кто это может быть.

– Одет неплохо, ты его не узнаешь? – Евгения склонилась в три погибели, стараясь рассмотреть лицо трупа, – лет тридцать, может, меньше, но уж не больше – это точно. Как думаешь, зачем он здесь?

– Ну, если он пришел сюда живой, это один вопрос. Тогда почему он сразу пошел в баню, а не в дом к хозяевам, как обычно поступают нормальные люди, а вот если он сюда попал уже в качестве трупа – это совершенно другое дело...

– Он точно пришел сюда сам и живым, если бы его сюда притащили в качестве тела, то убийце пришлось бы возвращаться на место преступления, чтобы принести сюда орудие убийства. А им, несомненно, является этот окровавленный булыжник. Евгения, выпрямившись, замерла с задумчивым видом. – Как-то это все странно... И где убийца мог взять этот булыжник? Не с собой же принес?

– Согласна, подруга, но думаю, что мы с тобой, пока еще окончательно не затоптали следы и не наставляли своих, давай, всякие там предположения, дедукцию и разные криминалистические изыски оставим профессионалам, то бишь полиции.

– Вызвала, уже вызвала. Сейчас приедут, – подойдя к ним и переведя дыхание, сообщила Степанида. – Ну чего, тело все-таки мертвое или будете оживлять?

Дело близилось к утру, когда уехала полиция и увезла с собой орудие преступления, предварительно упаковав его в пакет, тело неизвестного забрала особая команда, прибывшая чуть позже основных сил. Документов при погибшем не оказалось, и никто из присутствующих в доме не смог его опознать.

Степанида вызвала на помощь дядю Васю, который, узнав, что произошло, даже не смог произнести свой коронный «пердюмонокль», застряв где-то на первом слоге. Пока они наводили порядок, уничтожая следы пребывания славных правоохранительных органов, Дарья неприкаянной тенью следовала за ними, больше мешая, чем помогая, и давала «ценные» советы. Первой не выдержала Степа.

– Евгения Павловна, Христа ради, заберите вы ее отседова. Ну ведь зовсим замучила нас своими указками.

Долго упрашивать Женю не пришлось: подхватив под руку вяло упирающуюся Дашку, она быстро увела ее в дом.

– У тебя такой вид, будто ты только что потеряла скопом всех своих родственников. Даша, так нельзя. Мы этого убитого не знаем и никогда его не видели, во всяком случае живым. И теперь его проблемы – это проблемы полиции. Евгения разлила свежесваренный чай по чашкам и вдохновенно продолжала: – Сама сколько раз говорила: «есть проблемы – решаем, нет проблем – ищем и решаем, а если найти их не можем – расслабляемся и получаем от жизни удовольствие».

– Женя, мы даже до второго пункта ни разу не доходили. Всегда застреваем на первом. Может, с нами что-то не так?

– Поэтому, учитывая складывающиеся пока, повторяю, «пока», не в нашу пользу обстоятельства, – не слушая жалкий лепет подруги, Женя развивала свою мысль дальше, – предлагаю

сразу начать с третьего пункта. А именно. Сейчас выпьем чай. Я заварила специальный успокаивающий сбор из крымских трав. Не знаю, что там они добавляют – гашиш, ананас, марихуану или коноплю, а может, все вместе взятое. Но с ног валит сразу...

– Какой гашиш и марихуана? – тут же вернулась к действительности Даша. – Ты что, действительно наркотики заварила?

– Дашенька, солнце мое, ты вменяемая? Какие наркотики? Там мята, хмель, Melissa и еще множество других трав, о которых я слышала первый раз в жизни. Они смешаны в таких пропорциях, что одна чашечка может слону обеспечить восемь часов здорового, полноценного сна.

– Женька, это, наверное, возраст, – сделав пару глотков ароматного напитка, задумчиво произнесла Даша. – Раньше «коньячок под шашлычок вкусно очень», а теперь медовый квас и отвар из трав.

– О, да, – протянула та, – а на ночь – стакан ряженки. Надо будет Степе сказать, чтобы купила.

– И шо вам ще не хватает, – возмутилась, как всегда вовремя появившаяся Степанида. – Дом – полная чаша, только птичьего молока нема, а им усэ мало... А чем цэ у вас пахнет. Такой дух хороший.

– Это Женька успокоительный чай из Крыма привезла. Налить?

– Ни, позже. Как все там закичим, а то прямо туточки усну. Я лучше квасу сейчас Василий Ивановичу знесу. Он ще там в предбаннике пол отшкребывает.

– Теперь слушай меня внимательно, о вместилище вселенской скорби, – вдохновение Евгению не покидало, и, как только Степа покинула веранду, ее вновь понесло. – Сейчас мы допиваем чай и отправляемся спать. Проснувшись, приводим себя в порядок и едем к Елене прекрасной, она же Елена премудрая. Если мы ей все не расскажем, то дальнейшая жизнь нам покажется в овчинку.

– Небо, – поправила ее Дарья.

– Что небо?

– Небо в овчинку, а не жизнь...

– Это мелочи, не заслуживающие внимания, – категорично отозвалась Евгения. – У нас все будет хорошо, поверь, я знаю. Я это чувствую.

– Здравствуй, Женя. Давно приехала? – голос Максима был спокоен, так же как и он сам. – Даша, привет. Я бы тоже выпил чаю.

На его неожиданное появление они обе прореагировали значительно тяжелее, чем на сообщение Степы о нахождении трупа.

Он сделал вид, что не заметил их холодного отчуждения, прошел к столу, где, взяв чистую чашку, плеснул в нее заварку и добавил кипятку. Максим был, как всегда, изысканен, опрятен и уверен в себе.

– У тебя, Женя, очень уставший вид, – он говорил таким обыденным тоном, будто ничего не произошло. – Не похоже, что ты после отдыха. Ты, наверное, уже в курсе, что мы с Дашей расстались. А почему вы обе молчите?

Ни та ни другая не ответила. Они, как провинившиеся школьницы, сидели, сложив руки на коленях и молча, с предельной внимательностью рассматривая остатки чая в своих чашках.

– Хорошо, ваше дело. Я ничего не буду объяснять, наверное, я виноват, но сердцу не прикажешь, и уже ничего нельзя изменить. Даша, с тобой свяжется мой адвокат. Хочу сказать, что раздела имущества, если ты не будешь настаивать, не будет. Ты можешь не волноваться, этот дом, машина – все останется тебе, а еще та квартира в Приморском районе и открытый счет в банке. Все будет официально оформлено. Что бы со мной ни произошло, ты никогда не будешь нищей. В общем, это все, что я хотел... Если у вас ко мне нет вопросов, тогда я пойду.

Да, еще, у меня большая просьба. Я не меняю номер телефона, но прошу ко мне обращаться только в самом крайнем случае и стараться все вопросы решать через адвоката.

Ответом было гробовое молчание.

Он вышел, не попрощавшись, оставив на столе чай, к которому так и не притронулся.

– Красиво ушел, – выдохнула Женя. Она смогла заговорить, только когда стал не слышен шум отъехавшей машины. – А главное, изложил все коротко и ясно. Дашь, ты как?

– Никак, – глухо ответила та, вскинув голову и уставившись куда-то в окно. – Ты не поверишь, но за неделю до его ухода у нас каждый день, каждую ночь была такая безудержная любовь, будто жизнь должна была вот-

вот закончиться. Если бы я только могла предположить... Хотя, по сути, повседневная банальщина. Муж уходит от старой жены к молодой любовнице.

– Даша, не депрессуй, и в твоём случае есть очень существенная поправка: от молодой, очень красивой и умной жены к юной любовнице. Не получится с личной жизнью, ну и черт с ней. Хотя, думаю, нет, просто уверена, что с этим у тебя будет все в порядке. Да и побираться не придется, и крыша над головой осталась. Причем, смею заметить, отличная крыша. Будем стареть вместе, ходить в театры и музеи...

– И на ночь пить ряженку, – Дашка криво улыбнулась, не замечая катящихся из глаз слез.

– Именно, ряженку. Поэтому пошли спать. Говорят, сон – лучшее лекарство, а там утро вечера мудренее.

Дашка уснула сразу, даже слезы не успели высохнуть. Евгения еще какое-то время смотрела на измученное лицо подруги с появившимися горестными морщинками между бровями и в уголках рта. Подумала, что, учитывая опыт близких подруг, замужество – это дополнительный источник стрессов и ну их к черту, этих принцев с их конями и все, что не случается, скорее всего, к лучшему, затем вспомнила о грязной посуде, оставленной на кухне, горестно вздохнула, подоткнула Дашке со всех сторон одеяло и пошла вниз, но там уже вовсю орудовала Степанида.

– Ну шо? Уснула?

– Да. Максим приехал, сказал, что все кончено и теперь они будут общаться только через адвоката.

– Вот мерзота, – зло процедила через зубы Степанида Матвеевна. Она хотела еще что-то добавить, но у Евгении зазвонил мобильный.

– Женька, ты уже в Питере? – быстро затрещал в трубке женский голос. – Молчи, не перебивай. Роддом с понедельника закрывают. Сначала на месяц, будто бы на проветривание, а потом совсем закрывают. Всем расчет с предложением временного трудоустройства черт знает где. Все, больше не могу говорить, перезвоню вечером.

– Шо случилось? На вас лица нету.

– Все хорошо, Степанида Матвеевна, – убирая трубку в карман, как можно спокойнее произнесла Женька, одновременно чувствуя, как земля стала уходить из-под ее ног. – С понедельника я фактически безработная. Наш роддом закрыли. В принципе ничего страшного. Я и сама думала уволняться. Зато, как говаривали классики, теперь червь сомнений не терзает мою душу и нет искушения задержаться там хотя бы на один день.

– Может, чего налить? – осторожно спросила Степанида, вытирая красные руки кухонным полотенцем.

– Квасу, Степушка. Твоего квасу. – Женя с удовольствием потянулась, да так, что хрустнули все суставы. – Начинаем новую жизнь. И какие наши годы...

В кухне внезапно стало быстро темнеть, за окном огромная черная туча заволокла небо, и где-то в отдалении раздался глухой раскат грома. От неожиданности они одновременно вздрогнули.

– Ой, лишенько! Теплицы не закрыты! Сейчас побье усе! – Степанида метнулась из кухни, душераздирающим голосом призывая на помощь Василия.

Евгения вышла на крыльцо огромной террасы и полной грудью вдохнула уже пропитанный озоном воздух. Издалека поднималась новая волна громового рокота. Вокруг все притихло в ожидании надвигающейся бури.

– Шо стоишь как засватанная, – прокричала, пробегая мимо, Степанида, – окна в доме закрывай, бо щас уси стекла полетят.

И тут же вслед за ее словами чуть зашумела, потревоженная легким ветерком, листва. Ветер чуть замер и, будто немного подумав, прибавил силу. Где-то тревожно хлопнула створка окна и беспокойнее заволновались кроны деревьев. Женя вернулась в дом и, проверив окна, вновь вышла во двор. Буря только начала набирать силу. Дождя еще не было, а ветер все крепчал, поднимая и закручивая в пылевые, похожие на небольшие торнадо, воронки первые опавшие листья, небольшие ветки и принесенный им же неизвестно откуда мусор. Цветы на клумбах и небольшие кусты послушно, по-рабски смерившись со своей участью, стелились по земле, замерев в ожидании худшего. Старые деревья тяжело стонали под ударами урагана, едва подрагивая покрытой испещренными рубцами времени корой стволами, они отчаянно стучали корявыми, похожими на вздувшиеся вены на натруженных руках, ветвями, даже не стараясь удержать листву. Деревья помоложе в пояс кланялись стремительно накатывающему урагану и немилосердно бились своими верхушками о крышу и стены дома. Клубящееся черными тучами низкое небо, разрываемое на части молниями, тяжелым мраком уже накрыло соседние дома, и они практически исчезли в непроглядной тьме, и вдруг белыми пятнами внезапно проявлялись во время мгновенной вспышки ослепительного электричества. Громовые раскаты, от грохота которых начало закладывать уши, с нарастающей силой следовали один за другим, и внезапно наступила тишина. Она длилась меньше минуты, огромная молния расплосовала черноту неба пополам и осветила все вокруг с такой яркостью, что Евгения невольно зажмурилась, а следом раздался грохот такой мощи, будто кто-то одновременно взорвал небо и землю. Ухватившись за перила, она едва удержалась на ногах и, словно зачарованная, не могла оторвать взгляда от происходящего и от готовой вот-вот обрушиться на них стихии. Степанида Матвеевна сгребла ее в охапку и с причитаниями, что никакого сладу нету с этими малохольными городскими, втащила ее в дом. Едва они успели закрыть за собой дверь, как за стеной водопадом обрушился мощнейший ливень. Дождь был такой, что уже за пределами террасы ничего не было видно.

– Вот это полный пердюмонокль, голубы мои, – поглаживая усы, восторженно объявил Василий Иванович. – Похоже, вселенский потоп начинается.

– Вот и гарно, а пока усе не потоплю, пидемто чаю питы, – позвала Степанида, уже усердно звеня чашками на кухне.

– Спасибо, Степанида Матвеевна, но я спать, – извинилась Женя, поднимаясь в свою комнату и там, упав поперек кровати, под звуки беснующейся непогоды, даже не стараясь поднять будто налитые свинцом веки, успела подумать о том, что сегодня произошло что-то важное, связанное с Максимом. Что-то такое он сказал, что ее резануло или что-то произошло – но это было связано именно с ним... Она никак не могла вспомнить, что именно. Потом. Вспомню, потом... Дождь – это хорошее предзнаменование. Он смоев все их неприятности и проблемы, и все наладится...

Казалось, что она едва закрыла глаза, как нервно зазвонил мобильный.

– Как раньше люди жили без телефонов? – злясь на весь белый свет, бормотала Евгения, пытаясь на ощупь найти источник раздражающих звуков. Телефон почему-то оказался под кроватью. Едва не свалившись со своего ложа и чуть не вывихнув при этом плечо, она все же, со второй попытки, достала истерично орущий мобильник.

– Надеюсь, вы звоните, чтобы сообщить мне, что я выиграла миллион евро, – даже не взглянув на экран, сонно произнесла Евгения, – иначе вам не будет оправдания...

– С ума сошла, – зашлась в рыданиях трубка. – Какой миллион? Какие евро? Женька!!! Николая Петровича только что на скорой забрали!!! А у мамы высокое давление, а она не хочет ехать в больницу! Хочет умереть дома!!!! Дашка трубку не берет! Я здесь одна!!! Пошел вон, паразит!!!

Кто паразит? Хотела было спросить Евгения, но, услышав требовательный мяукающий рев, тут же передумала. Выскочив в коридор, она с ноги, произведя при этом невероятный грохот, открыла дверь в комнату Даши. Та вскинулась на кровати и уставилась на Евгению ошалевшими от крепкого сна глазами:

– Война? На нас напали?

– Не мели ерунды, – не бросая телефон и стараясь снизить накал развивающихся событий, уже спокойнее произнесла Женя, при этом стараясь в максимально доступной форме донести ей полученную информацию. – Звонит Лена. Николая Петровича забрали на скорой, Зинаида Михайловна умирает дома...

– А сама Ленка еще жива? – Дарья, подхватившись, будто ее ударили

током, уже скакала по спальне на одной ноге, другой отчаянно старалась попасть в брючину джинсов.

– Ты еще жива? – поинтересовалась у трубки Женя и, не дожидаясь ответа, уже из коридора (в надежде, что кто-то услышит) прокричала, чтобы готовили машину, потому что они сейчас уезжают.

– Без кофе за руль не сяду, – пенясь зубной пастой и не вытаскивая щетки изо рта, нечленораздельно пробублькала из ванной Дашка. – Не на пожар летим, а Зинаида Михайловна постоянно умирает, а по-настоящему – еще наших детей переживет, если, конечно, при такой жизни они у нас будут.

Кофе они пили по-военному, стоя. Степанида Матвеевна не сводила с них сердитых глаз и всем своим видом демонстрировала крайнюю степень негодования, при этом она изо всех сил грохотала посудой, переставляя кастрюли, жаровни, сковороды с места на место, и по звуковому сопровождению это было похоже на действие в фитнес-зале, где «качки» с надрывом таскают «железо».

– Ну где это видано, голодными ехать к черту на кулички?

– Не расстраивайтесь, Степанида Матвеевна, мы будем у Лены минут через сорок, там и покушаем. – Даша уже на ходу старалась ее успокоить. – Как доберемся, я позвоню, и к ужину нас не ждите...

Гроза закончилась, и постепенно подкрадывалась жара, уничтожая собой прохладу позднего утра. Во дворе, у распахнутых ворот, рядом с большой кучей опавших листьев и поломанных веток стоял новый, темно-вишневого цвета «Форд Фокус». Дядя Вася с нежностью, достойной лучшего применения, мягкой ветошью сметал с машины невидимые пылинки.

– Эх, какая красавица, – погладив лакированный капот, проурчал он ласково. – Вы там поаккуратнее, дороги только подсыхать стали, и мокрую листву с ветками еще никто не убирал, а на них скользко, как на катке.

– Спасибо, Василий Иванович, – откликнулась Даша, усаживаясь на водительское сиденье и с удивлением осматривая двор с произошедшими в нем переменами. – А что здесь было?

– «А просто летний дождь прошел, нормальный летний дождь», —

подходя к машине с другой стороны и заодно стараясь с наименьшими для себя потерями обогнуть огромную лужу, фальшиво пропела Женя.

– Жень, кончай подвывать – вокал – это не твое, – прервала ее Дашка, пристегиваясь ремнем безопасности.

– На инсинуации злопыхателей категорически отказываюсь реагировать, – Женя гордо вздернула подбородок. – Ураган здесь был, пока некоторые дрыхли, не помня себя. Нас вообще всех чуть не смыло.

– Хватит балаганить, – не выдержав, возмутился дядя Вася. – Я вам о серьезном. Дорога будто салом смазана. Осторожно езжайте.

– Я всегда осторожна, – послав Василию Ивановичу воздушный поцелуй, Даша мягко нажала на педаль газа.

Это было правдой. Дашка всегда была осторожна на дороге и ездил строго по правилам. Ее любимый совет тем, кто любил гонять на бешеных скоростях, был участвовать в ралли или, если кишка тонка, кататься на «американских горках».

– Машину Максим месяц назад подарил, – пояснила она, перехватив восторженный взгляд подруги, которым та осматривала салон, и, не развивая дальше тему бывшего мужа, решительно вырулила со двора.

Дорога, несмотря на близость полдня, была практически пустынна. Основная волна тех, кому по тем или иным делам нужно было в Питер, уже схлынула, а те, у кого дела могли подождать, напуганные пронесшимся ураганом, мудро оставались дома. Дорога, по которой они двигались, представляла собой образчик высокого европейского качества. Она пролегалла через их застроенный новыми дорогами коттеджами поселок, затем, покинув его, шла по прямой, и, когда до главной трассы оставалось еще километров двадцать – тридцать, делала крутой поворот, таким образом огибая небольшую рощу.

– Женя, ты пристегнулась? – голос Дарьи был спокоен и холоден.

– Странный вопрос, как всегда. А что случилось?

– Тормоза отказали... скоро будет перекресток с выездом на главную дорогу... а до этого крутой поворот... нам на такой скорости в него не вписаться...

– Сколько нам осталось?

– Минут пятнадцать... может, чуть больше... если очень повезет...

– Дашь, ты, главное, постарайся на встречу не выезжать, – произнесла осипшим голосом Женя и, облизав сразу пересохшие губы, тыльной стороной ладони вытерла мгновенно вспотевшее лицо. Мысль о том, что осталось жить пятнадцать минут, раскаленной проволокой скрутила головной мозг. – Включай аварийку, если увидишь впереди любую машину, начинай сигналить...

Перед ними стелилась пустынная и ровная, как стрела, дорога.

– Позади нас джип, – Даша говорила, почти не размыкая губ, намертво вцепившись в руль. – Сейчас будет сигналить, требовать, чтобы ему уступили дорогу.

Обернувшись, Евгения увидела через заднее стекло неумолимо быстро надвигающуюся на них неправдоподобно огромных размеров черную машину. Ее водитель, судя по манере вождения, не только знал правила дорожного движения, но и уважал их. Он не пытался обогнать их справа, а слева была разметка в виде сплошной разделительной полосы, которую, несмотря на отсутствие встречных и вообще каких-либо машин, джип не пересекал. Она быстро отстегнула ремень безопасности и, проявив (совершенно неожиданно для себя) чудеса гибкости, перелезла на заднее сиденье.

– Дашенька, ты только не отвлекайся, родная, – опуская левое боковое стекло, успела предупредить она подругу и, молитвенно соединив ладони, почти по пояс высунувшись в окно, дико закричала:

– Помогите!!! Тормоза!!! Отказали!!!!

Джип сбросил скорость и медленно пошел на обгон справа. Евгения тут же на четвереньках переместилась к правой дверце и опустила там стекло.

Образовавшийся сквозной ветер бил в лицо, не давая вздохнуть.

У джипа со стороны водителя стекло уже было опущено:

- Что случилось?
- Тормоза отказали, – прокричала Евгения.
- Кто за рулем?

Водитель джипа, мужчина средних лет, говорил спокойно, четкими и короткими, будто рубленными фразами.

– Даша, – что ему даст ее имя, мелькнула у нее безумная мысль, и только потом сообразила, что его интересовало не имя, а пол того, кто был за рулем: мужчина или женщина.

– Женщина! Женщина за рулем!

– Пусть крепче держит руль и едет ближе к разделительной полосе. А ты ляг на сиденье и держись крепче.

– Скажи, что у нас бензобак полный, – не оборачиваясь, все с тем же холодным спокойствием добавила Дашка.

Евгения не успела повторить, а джип, уже прибавив скорость, обогнал их и, проехав чуть вперед, начал притормаживать, аккуратно подстраиваясь под скоростной режим их машины. Они стремительно его нагоняли.

– Даша! Что?! Что он делает? Мы же сейчас в него врежемся... – Евгения старалась сдерживать нарастающую панику.

– Он хочет нас собой затормозить... Женька!! Ложись!!!

Раздался удар, и «Форд» капотом ткнулся в задний бампер джипа.

Евгения, не удержавшись, съехала на пол и замерла. Но машина не взорвалась и не перевернулась, а продолжала двигаться с прежней скоростью. Чуть подождав, она с осторожностью вернулась на заднее сиденье в исходное положение и первым делом через плечо подружки бросила взгляд на спидометр. Стрелка упорно стояла на цифре шестьдесят. Казалось, что не джип старается их затормозить, а они двигают его вперед. По встречной полосе, на бешеной скорости, с включенными проблесковыми маячками, промчалась машина дорожно-патрульной службы.

– Когда они нужны, их днем с огнем не найдешь. Черт! Черт!!! Двадцать первый век. До Питера рукой подать, а телефон, как заколдованный...

– На этом участке нет связи, – произнесла Дашка, закаменев за рулем. – Двадцать километров «мертвой зоны». Связь появится, когда мы выйдем на главную дорогу.

– Даш, смотри... Смотри! Скорость снижается. Пятьдесят пять...

– Вижу, подруга...

Таким же тоном Даша первый раз сказала, что у них отказали тормоза, и та маленькая тень надежды, которая едва затеплилась в Женькиной душе, сама испугавшись своей смелости, мгновенно угасла.

– ...Мы не успеем... Скоро поворот... На такой скорости мы в него не впишемся... Женья, ложись на пол, надеюсь, это надежное место...

– Дамы, здравствуйте...

Ни одна, ни другая не заметила, как к их левому борту прижалась машина ДПС и с переднего пассажирского сиденья как-то слишком радостно им улыбался мужчина в белой футболке.

– Тебя как зовут? – наполовину высунувшись из своего окна, поинтересовался мужчина, цепляясь рукой за заднюю боковую дверцу их машины.

– Женья... – ответила она, с ужасом понимая, что последует дальше.

– Спокойно, Женька, сейчас главное – всем быть спокойными... а подругу как зовут?

Он продолжал говорить, уже наполовину зависнув над задним сиденьем их салона. Евгения забилась в противоположный угол, не замечая, что до крови прикусила губу, смотрела, как мужчина, хватаясь обеими руками за подушки сидений, быстро втягивает свое жилистое тело внутрь их машины. Она хотела предложить свою помощь, но пока собиралась с духом,

неизвестный уже полностью оказался на их заднем диване и, юркнув между передними сиденьями, оказался рядом с Дарьей.

– Ее Даша зовут, – наконец выдавила из себя Евгения, проводив взглядом промелькнувшие перед ее лицом ноги в черных носках, и вновь вжалась в свой спасительный угол. Все происходило так быстро, что пугаться просто не хватало времени.

– Даша, привет! Правда, интересный способ знакомства?

В ответ Дарья только судорожно дернула головой. Но гостя это совершенно не смутило, и, продолжая радоваться чему-то своему, он продолжал:

– Даша, спокойнее. Отстегните сначала ремень безопасности, – мягко и настойчиво произнес он, видя, как Дашка безуспешно пытается сдвинуться со своего места.

– Не могу. Рука не слушается.

Он, ни произнеся не слова, щелкнул замком, и ремень, подскочив, едва не ударил Дарью по лицу, но та даже не пошевелилась.

– Сейчас ты спокойно придвинешься как можно ближе к рулю, а я сяду за тобой... Только руль не отпускай... Вот умница...

По пластике движений, гибкости, он был похож на большую хищную кошку. Его тело, казалось, было без костей, настолько высока была способность и умение продвинуться в самой немыслимой позе через узкую щель и уместиться на небольшой площади.

– Давай, двигайся...

– Не могу...

– Подними зад и подвинься к рулю. Быстро! – он рывкнул так, что Дашка тут же всем телом вжалась в рулевое колесо, а Евгения едва не выпала из машины.

В одно движение он казался за ее спиной и, просунув широкие ладони под Дашкины ягодицы, приподняв, усадил ее к себе на колени.

– А теперь спокойно отпустите руль...

– Не могу... – Дашкин голос был по-прежнему холоден и спокоен, – я не могу разжать пальцы.

– У нас мало времени, девочка, постарайся, у тебя получится. Отпусти руль и потихоньку перебирайся на соседнее кресло.

Евгения не уловила тот момент, как и когда Дашка оказалась на пассажирском сиденье, а потом плавно перетекла назад к ней. Крепко прижавшись друг к другу, они сцепились руками и смотрели вперед. Свежий ветер буйствовал внутри машины.

– Я на месте. Машину принял, – неизвестно кому отчеканил водитель и другим тоном добавил: – Дамы, не вздумайте окна закрывать – стеклами порежет.

Впереди идущий джип внезапно издал такой скрежет, что у Евгении свело зубы, а Дарья так стиснула руки, что едва не сломала ей пальцы. Из-под колес внедорожника повалил густой белесый дым, и в воздухе ядовито запахло жжеными покрышками. Они остановились на повороте, когда форд правой боковой стороной бампера смял заградительный барьер, ограждавший дорогу от склона глубокого оврага.

– Приехали! – радостно сообщил незнакомец, – меня, кстати, Иваном зовут. А то залез к вам без спросу в машину, да еще и не представился. Надеюсь, что вы на меня не в обиде...

Закончить он не успел, как распахнулась задняя боковая дверь, и прозвучал низкий с хрипотцой голос:

– Девушки, живы? Выходите, а то Иван вас до смерти заговорит.

Голос принадлежал громоздкому, заполняющему собой все видимое пространство мужчине с широким лицом, которое казалось простецким, если бы не цепкие, подмечающие любую мелочь глаза. У него был широкий лоб, выглядевший просто огромным за счет ранних залысин, крупные черты лица и тяжелый, гладко выбритый подбородок.

– Выходите... Все такие умные, – про себя припиралась Евгения, одновременно подталкивая Дарью в спину, – а если ноги не слушаются? И еще мне, похоже, шею продуло...

Но, как бы трудно ни было, они все же выбрались из машины, и этот процесс со стороны выглядел не столь элегантно, как показывают в фильмах о красивой жизни. В принципе что одной, что другой было явно не до того, какое они производят впечатление.

– Дайте кто-нибудь тапочки, – продолжал веселиться тот, кто представился Иваном, – ведь почти в нижнем белье из дома вытащили, изверги. А дома... дома-то смертушка лютая ждет...

– Иван, хватит дурака валять, – произнес неизвестный и, развернувшись к жавшимся друг к другу подругам, представился: – Платонов Олег Константинович, друг и начальник вашего непосредственного спасителя. Иван, а что дома? – переключился он на товарища.

– Гром и молния. Нас с тобой предали анафеме, грозятся лишить тебя в будущем статуса «крестного отца», ну и никаких шашлыков-машлыков на ближайшие две недели... Да даст мне кто-нибудь какую-нибудь обувь?!

– Где мы тебе сейчас туфли найдем? Через десять минут дома будешь. Садись в машину, ребята быстро домчат. Насчет крестного меньше всего беспокоюсь, она уже к вечеру все забудет, а до ее родов нам бы еще дров не наломать. Все, ездай.

– Все, дамы, прощаюсь, – Иван склонился в изящном, полушутливом поклоне, – берегите себя. Потом нырнул в машину ДПС, и та, развернувшись через сплошную полосу, включив мигалку, с места в карьер рванула обратно в поселок. Возле замерших над опасным обрывом в смертельной сцепке машин скопилось несколько автомобилей ДПС. Скорая помощь и пожарные, убедившись, что в них нет нужды, уехали, не создавая лишней суматохи.

– Олег Константинович, можно вас? – позвал вынырнувший из-под капота форда полицейский.

Тот, несмотря на свою массивность, на удивление легкой походкой подошел к зовущему, и они вместе склонились над двигателем. Позвавший что-то показывал, при этом тихо объясняя увиденное, а тот, кто представился Платоновым, внимательно слушал, стараясь это «что-то» рассмотреть.

Евгении уже начало казаться, что о них все забыли, но Платонов внезапно резко разогнулся и, развернувшись, на ходу давая указания, быстро вернулся к ним.

– Машину мы будем вынуждены забрать. Сейчас подъедет эвакуатор, – он говорил спокойно, не повышая голоса. – Вы заберите свои вещи...

– Но... – начала Дарья.

– Одну минуту, я еще не закончил, – не повышая голоса, продолжил Платонов. – Вашу машину заберут на экспертизу. Появилось предположение, что проблемы с тормозами возникли не сами собой, но об этом нам доложат эксперты, а пока я могу вас подвезти... Или такси? Хотя уж позвольте быть с вами вежливыми до логического конца – моя машина в вашем распоряжении, и, если вы доверяете моему водительскому профессионализму, я буду только рад вам его подтвердить. Да, Дарья Александровна, вы что-то хотели сказать, а я, простите, вас перебил.

Он говорил почти тихо, но Евгения обратила внимание на то, что его слушали абсолютно все, кто в это время находился в поле ее зрения. Стоило ему замолчать, как вновь началось прекратившееся было движение и все разом (правда, негромко) продолжили прерванные было разговоры.

– Нет, ничего, – невразумительно промямлила Дарья. Она была совершенно сломлена безумной поездкой, невероятным спасением, и в завершение – речью, достойной пера классиков эпохи развитого романтизма.

– Простите, а вы кто? – не выдержала Евгения, задетая невниманием к своей особе.

– Скажу так: я служу своему государству в рядах некоей силовой структуры. Вы хотите знать подробности?

Почему-то ни одной, ни другой не захотелось продолжать разговор на эту тему, и они скорехонько заторопились к своей машине.

– Даш, ты что-нибудь понимаешь в происходящем? – помогая подруге собирать в пакеты все те необходимые «мелочи», хранящиеся в бардачке, в карманах за спинками кресел и в багажнике. – И как он узнал, как тебя зовут.

– Пробыли по номеру машины, – сообщил проходящий мимо дэпээсник.

– Ничего не понимаю и не хочу понимать, – категорически заявила Дашка, проводив его взглядом и с несвойственным для нее остервенением заполняя большую хозяйственную сумку, которую на всякий случай всегда возила с собой.

– Девушки, хоть запаску оставьте, она вам сегодня точно не понадобится, – неуклюже пошутил Платонов, но женщины его правильно поняли и тут же закруглились со сборами.

– Никогда не думала, что у меня в машине столько вещей. Чувствую себя мешочницей времен гражданской войны.

– Не хватает только маленькой собачонки...

– В смысле? – не поняла Дарья.

– В смысле? В смысле как у Маршака, – и Женя с выражением процитировала: «Дама сдавала в багаж: диван, чемодан, саквояж, картину, корзину, картонку и...»

– И маленькую собачонку, – закончила за нее Дашка, – это именно наш случай. Все, пойдём, неприлично томить ожиданием руководителя операции.

– Итак, куда путь держим? – включив зажигание и двигаясь с места, поинтересовался Платонов.

– Пересечение канала Грибоедова и Итальянской улицы, – бодро отрапортовала Евгения, где слышался явный подтекст – «мол, мы тоже не лыком шиты». Дарья, демонстрируя хорошие манеры, молчала.

Доехали они без приключений, и, вежливо прощаясь, Платонов и Женька обменялись визитками, а Даша свой номер дописала от руки.

– Женя, как ты думаешь, что он имел в виду, когда говорил там, на дороге, о тормозах.

– Понятия не имею, – поднимаясь за ней на второй этаж, ответила та, таща за собой многострадальную дорожную сумку, при этом страдальчески пыхтя от усердия. Она успела запахнуть ее в багажник Дашкиного форда и в тайне лелеяла надежду попасть сегодня домой. – Думала об этом всю дорогу, пока сюда ехали, но ничего толкового не надумала. Может, мыши что-нибудь перегрызли.

– Ты чего? – от удивления Дарья даже остановилась. – Какие у нас мыши? Еще скажи, что бобры прокрались в гараж и, не найдя древесины, напали на тормоза.

– Ладно. Я же должна была высказать пусть абсурдное, но хотя бы какое-нибудь предположение. Долго еще будешь топтаться перед дверью, давай звони.

Дверь распахнулась сразу, будто Ленка ждала их здесь у двери, сидя на бархатном пуфике рядом со старинным в потолок трюмо. Евгения представила себе картину, как та в позе Алешки Васнецова, только опираясь не на колено, а на мраморную столешницу трюмо, льет горькие слезы. В какой позе сидела их подруга, для них осталось тайной, но то, что она недавно плакала, в этом не было никаких сомнений. Ее круглое лицо сейчас напоминало пышный дрожжевой пирог, из-за припухших век практически не было видно глаз, курносый аккуратный носик (за что в детстве имела прозвище Пятачок) теперь своим размером и формой напоминал вареник творения Степаниды, только этот «вареник» был еще красным и постоянно хлюпал. Красные пятна разного диаметра и формы покрывали ее лицо, шею и грудную клетку, частично виднеющуюся в вырезе легкого домашнего халата. Тут же, в коридоре, будто из

ниоткуда, появился огромный черный мейн-кун и, оглядев нехорошим взглядом замершую у входа тройцу, вальяжной походкой демонстрируя свое полное пренебрежение к происходящему, скрылся за ближайшей дверью.

– Чудовище, а не кот, – хрюкнула носом Ленка. – Его надо было не Бегемотом, а Азazelло назвать. Всех чуть не угробил. Все из-за него. Фарфоровый торшер конца XIX века разбил. Мама на него наорала. Сказала, что его к ветеринару нужно и усыпить, а Николай сказал, что ее саму усыпит, если только она Бегемота пальцем тронет. И тут началось...

– Слушай, дай в дом войти, – первой выйдя из легкого ступора, произнесла Дарья, – и еще стакан воды с валерьянкой или что у тебя в доме есть успокоительного?

– Какая валериана?! Хочешь, чтобы это чудовище половину города разнесло? – вновь залилась слезами Ленка. – Ничего. Ничего в доме нет. Говорят, коты снимают стресс, но это же не кот, а исчадие ада какое-то... Слушайте, а чего это у вас столько вещей? Вы что? ко мне на совсем переезжаете?

– Леночка, кто там? – как из потустороннего мира раздался стонающий голос.

– Мам, это девчонки приехали, – тут же откликнулась Ленка, руками сигнализируя подругам, чтобы они заходили, и заодно судорожно вытирая слезы.

– А Женя приехала?

По голосу Зинаиды Михайловны уже было понятно, что она доживает последние минуты и вот-вот позовет всех, чтобы изъявить свою последнюю волю.

– Бегу к вам, – бодро отозвалась Евгения. – Сейчас, только руки помою.

Пока она оказывала «реанимационные пособия» Зинаиде Михайловне, а именно: измеряла пульс, артериальное давление, в тысячный раз выслушивала историю ее кошмарного существования в этом доме – какие лицемерные существа ее окружают и как все жаждут ее кончины, но она обязательно должна жить, разумеется, только ради Леночки. Оставить «бедную девочку» одну в этом вертепе, на растерзание этих двух чудовищ, что само собой подразумевало Николай Петровича и Бегемота. Нет, нет и еще раз нет, ее душа никогда не обретет покоя, пока ее «маленькая» не встанет твердо на ноги, и Женя как лучшая подруга, как врач, в конце концов, обязана помочь выжить ее матери. Евгения со спокойствием египетского сфинкса слушала и с понимающим сочувствием кивала в нужных местах. Когда прозвучала ключевая фраза, что «она ангел, и только она ее понимает и спасает», Женя, едва сдержав вздох облегчения, погладила руку Зинаиды Михайловны, заверив, что теперь все будет хорошо, вышла из комнаты, тихонько притворив за собой дверь.

На кухне рыдания были в самом разгаре. Теперь плакала не только Елена, но и Дарья, по-видимому, успевшая в красках поведать историю о коварном муже-изменщике, а заодно о их приключении во время поездки. Бегемот сидел на стуле между двумя зареванными тетками и наслаждался происходящим, впитывая в себя негатив, бурно заполняющий окружающее пространство.

– Брысь, нечистая сила, – сурово произнесла Женя, одновременно попытавшись спихнуть невоспитанную скотину с пригретого им места. На кота ее происки не произвели никакого впечатления. Елена с Дарьей, забыв про слезы, с интересом наблюдали за происходящим.

– Он не уступит, – наконец выдала Лена, проследив за очередной Женькиной попыткой спихнуть котяру на пол.

– Знаю. Но попробовать стоило. Я тоже люблю здесь сидеть...

– Я дам тебе другой стул, – вяло поднимаясь со своего места, начала было Ленка.

И по тому, как она это произнесла, Женя остро почувствовала себя здесь лишней. Две замужние подруги, обе столкнувшиеся с неверностью своих мужчин, только у одной это было в недалеком прошлом, но все еще было слишком свежо в памяти, а другая как раз проходила пик болезненного расставания, им было о чем поговорить друг с другом. А Евгения – она что?

Разве она может их понять? Ведь у нее на уме только работа. А личная жизнь? Ну какая может быть личная жизнь у врача, работающего в родильном доме.

– Девчонки, не обижайтесь. Я домой. Может, хоть сегодня туда попаду. Такси я уже вызвала...

Такси она вызвала на улице, присев на край сырой скамейки и примостив у ног многострадальную сумку-чемодан. Небо вновь стали затягивать тучи, подул северный ветер, и резко похолодало, будто на дворе не конец июня, а начало осени. Машина подъехала, когда стал накрапывать дождь, и едва они тронулись с места, как ливень стеной обрушился на город. Дождь не принес облегчение Питеру; когда она подъехала к своему дому, уже во всю светило солнце и вновь накатившая жара старалась быстрее высушить огромные лужи. Воздух был так пропитан влагой, что буквально прилипал к коже и, забивая легкие, не давал сделать глубокий вдох. Внутри дома было еще хуже: все окна ее квартиры выходили на солнечную сторону, и после обеда здесь начинался ад. Бросив в коридоре свой баул, о том, чтобы сейчас заняться разборкой вещей, не могло быть и речи. Рассудив, что есть значительно более легкие способы расстаться с жизнью, чем задохнуться от жары в раскаленной панельной духовке, да еще при этом занимаясь домашними делами. Ополоснув лицо и шею холодной водой, так как объявление, прилепленное к двери подъезда, гласило, что горячей воды не будет еще неделю, и переодевшись в легкие бриджи и блузу, она уже через двадцать минут мчалась к автобусной остановке.

Отключение горячей воды, согласно народным приметам, говорило о том, что всю неделю будет стоять аномальная жара, так же как при отключении зимой отопления (прорвало трубы или еще какой-нибудь форс-мажор жилищно-коммунального хозяйства) тут же на улице и в самом доме устанавливался «ледниковый период».

Сейчас Женя думала только об одном – успеть до закрытия музея. Ей хотелось скорее попасть в прохладу Русского, в зал, где был выставлен Полenov. Он зачаровывал ее, давал ощущение душевной чистоты и покоя. Она могла бесконечно долго сидеть перед его картинами, каждый раз открывая для себя что-то новое, но что-то явно пошло не так. С того самого момента, как в самолете рядом села «крошка» весом полтора центнера, все шло наперекосяк, что подтвердил дрынкнувший сообщением мобильный. На экране в несколько строк высветилось требование немедленно забрать с работы личные вещи, так как в семнадцать ноль-ноль все будет вынесено в подвал, который, в свою очередь, будет работать строго по графику, и о нем когда-нибудь сообщат отдельно. Евгения тут же перевела для себя, что все будет свалено единой кучей в постоянно подтапливаемом помещении, вызывающим ассоциации со входом в потусторонний мир. В этом подвале даже в самые жаркие дни было сыро, холодно и из-за скудной освещенности очень страшно.

В принципе ничего ценного у нее там не было, так, мелочи, о потере которых не стоило жалеть: пара дамских романов в мягких обложках, которые так и остались непрочитанными, смена нижнего белья, старенькая косметичка с умывальными принадлежностями и еще какие-то пустяки. Ах, да, как она могла забыть – сменная обувь, удобные, из мягкой кожи, белые туфли, которые были куплены перед самым отпуском. Это решительным образом изменило ее планы в пользу посещения работы.

В родильном доме царила растерянная суета. Слухи о том, что их зданием в центре города интересуются очень серьезные люди, ходили давно. Но того, что в течение нескольких дней в экстренном порядке всех пациентов распределят по стационарам города, а всему коллективу объявят, что в этом здании больше никто и никогда рожать не будет, ни ожидал никто.

Евгения шла по знакомым, всегда до блеска выдраенным коридорам, и не верила своим глазам. Вдоль стен, создавая атмосферу хаоса, громоздились какие-то пакеты, мешки, мебель, ящики, оборудование, ставшее вдруг таким ненужным. Мужчины в темно-синих с желтыми

полосами комбинезонах деловито таскали крупногабаритные предметы. Бывший персонал роддома с одинаково тревожными выражениями лиц передвигался торопливыми перебежками от двери к двери и, сталкиваясь с рабочими, в испуге прижимался к стенам, стараясь тут же слиться с ними в единое целое.

В ординаторской родового отделения почти ничего не изменилось, во всяком случае вся мебель стояла на своих местах. Только на столах было непривычно пусто, ни бумаг, ни компьютеров – ничего, что

свидетельствовало бы о кипучей врачебной жизни.

– До нас еще не добрались, – покачиваясь в кресле, не поздоровавшись, пояснила за всех Алина Арнольдовна. – Я здесь отработала тридцать пять лет, и начмедом была, и отделением заведовала... И такое вот бесславное завершение карьеры... В приказном порядке – «с вещами на выход». Дали двадцать четыре часа на то, чтобы мы освободили помещение. И она подтолкнула ногой два объемных полиэтиленовых пакета, стоявших на полу возле нее.

– Что произошло? – обратилась сразу ко всем Евгения, сев за свой (теперь уже бывший свой) стол и медленно начав погружаться в атмосферу тревожности, которую источали стены еще недавно такого родного учреждения.

– Привет, Жень, – постаралась изобразить на лице улыбку Марина. Она приходилась ей очень дальней родственницей, причем степень их родства установить не представлялось возможным именно из-за его «дальности». Их матери были какими-то... юродными сестрами, детали они не уточняли, так как между ними были весьма сложные отношения. Тетя Нина была из категории людей, о которых говорят, что с такими родственниками и врагов не надо. Нельзя сказать, что это была открытая конфронтация, но в их отношениях существовала определенная напряженность. Сестры много лет не общались, потом стали периодически звонить друг другу, но дальше этого не пошло, и когда Женькина мать умерла, тетя Нина не пришла проститься со своей родственницей по какой-то там весьма уважительной причине. Евгении тогда было не до этого. Она знала о существовании родственников, но близко с тетей Ниной не контактировала и с Мариной дружбы не водила. Сказывались не столько прохладные отношения между родителями, сколько разница в возрасте (Женя была на шесть лет старше кузины) и полное отсутствие общих интересов. Марина, невысокая, жизнерадостная, улыбчивая и остроумная блондинка с круглым румяным лицом и зелеными глазами, всегда фонтанировала потоком неукротимой энергии. А еще она была болезненно, до зубного скрежета завистлива и могла врать с такой искренностью, что не каждый так правду скажет. Маринка ненавидела всех, всех тех, кто был хотя бы в чем-то не то чтобы лучше, а хотя бы чем-то отличался от нее, тем более в сторону со знаком «плюс». Окончив школу, она пошла в медицинский, потому что его окончила Женя, а она ни в коем случае не хотела быть хуже, и акушером-гинекологом стала, потому что Женька выбрала эту специальность. Но та была фанатом своей профессий, а у Марины не шло, как она ни старалась – не шло, и все. Кроме того, она в результате «романтических внебрачных отношений» родила Мишку, который рос шибутным и совершенно замечательным карапузом. У тети Нины тогда при известии о Маринкиной беременности произошел обширный инсульт, в результате чего у нее отнялись ноги и правая половина туловища. Отец Мишки – брутальный байкер, косивший под Джигурду в молодости, – получив «радостное известие о своем отцовстве», тут же скрылся за горизонтом, видно посчитав, что на данном этапе он сделал все что мог и теперь свободен. Марина, отсидев дома положенных три года, без особого рвения вышла на работу. Женька помогала деньгами, сидела с Мишкой, потом, как он подрос, возила его в зоопарк и цирк, где встречалась с подругами и совмещала приятное с полезным. В конце концов Мишка стал называть ее мама Женя, что взаимоотношений между кузинами не улучшило. Но так как Марине помощь больше никто не предлагал, а Женька, по необходимости, еще и бесплатно подменяла ее на дежурствах, то скрипя зубами она была вынуждена поддерживать видимость теплых родственных отношений. Если Маринка воспринимала

помощь сестры очень болезненно, то тетя Нина, наоборот, считала, что та обязана им помогать значительно больше, а не только менять ей подгузники, заниматься Мишкой и давать деньги. Ведь она в свои тридцать восемь живет одна, замужем не была и вряд ли уже выйдет, зачем ей деньги и какие-то выходные (можно подумать, она от чего-то устает), да еще и виновата, что не удержала младшенькую от необдуманного шага (в момент наступления беременности «малышке» было полных двадцать семь лет).

Маринка, выйдя из декрета и работая врачом-дежурантом родильного отделения, тосковала. Ей все, абсолютно все, что ее окружало, было неинтересно. Она это скрывала, но Женя чувствовала, как ту раздражали больная мать, непоседливость Мишки с его вечными «почему», работа – это вообще отдельная история, и она уже в любой момент была готова сорваться. Хотя пару месяцев назад Марина как-то воспряла духом, приосанилась, стала за собой следить. Она вновь безудержно шутила и заразительно громко смеялась, а однажды даже попробовала повисить на Женю голос, но, перехватив ее взгляд, тут же перевела все в шутку, и вроде все осталось по-прежнему, но как-то не так, чуть-чуть не так, как раньше...

– Неделю назад внезапно нагрянули «санитары леса» из санэпидстанции, взяли посевы из всех доступных и недоступных мест, – между тем продолжала Марина, вынырнув из недр своего стола. – Через три дня сказали, что высеяли то ли холерный вибрион, то ли возбудителя черной оспы, то ли споры сибирской язвы... И теперь все...

– Да, что-то там такое страшное нашли, чуть ли не проказу, – хмыкнула Анна Михайловна, единственная, кто из врачей не собирал вещи, а с комфортом устроившись за столом заведующей отделения, пила чай с пирожками, аппетитной горкой высившимися на старой, со сколотым краем тарелке. – Жень, возьми пирожок. С капустой. Вкусные. И чаю себе налей. Ты еще список с предложениями новых мест работы не видела? Ну еще порадуешься. Марину вон в Кронштадтский роддом направили, ей из Калининского района только в одну сторону почти три часа добираться. Да, красиво отжали наш роддом. Кого постарше, как отработанный материал – на улицу, другим работу предложили по принципу «на тебе Боже, что нам не гоже».

– Ну, Анечка, таки не надо все драматизировать, – Раиса Марковна, вечная заведующая послеродовым отделением, с удовольствием выбрала пирог побольше и грузно уселась в свободное кресло. – Вот я уже могу себя считать настоящим реликтом нашего заведения. Страшно сказать, я родилась не только в прошлом веке, но и в прошлом тысячелетии и помню эпохи оттепели, застоя, перестройку и еще много чего. И скажу вам так: в любом времени есть свои преимущества... правда, таки не у всех. Вот тут на днях прошел, даже можно сказать, прошелестел один очень интересный слушок. Кто-то из наших небожителей, – Раиса Марковна выразительно закатила глаза, показывая куда-то наверх, – выиграл в лотерею. И хорошо-таки выиграл. Просто купил билет в переходе метро, и сразу такое счастье – огромная куча денег. Вот только просто ради интереса хотелось бы узнать, как «его величество» в его-то туфлях из крокодиловой кожи и пальто от итальянского кутюрье туда попал, я имею в виду таки метро. И этот везунчик, не ломая себе долго голову, сразу взял себе домик, такую небольшую дачку. – Раиса Марковна театрально выдержала паузу, потом медленно взяла чашку чая, при этом манерно оттопырив мизинчик, и, сделав из нее небольшой глоток, продолжила:

– Так вот, мои дорогие, если кто из вас думает, что этот счастливчик купил себе шесть соток где-нибудь в центре Мшинского болота или рядом с ним – «если вы думаете-таки да, так-таки нет», так говорил Буба Косторский. Этот новый Корейко прикупил себе маленькую хатку на... Канарах, и теперь ему плевать на всех, кто по его милости остался на улице, а кто и на проспекте нашего города. И не дожидаясь реакции окружающих, тут же перешла к следующей теме:

– Женечка, вы обратите внимание на список предложенных мест работы. У вас там «почетное» шестнадцатое место, и место в женской консультации во Всеволожске, а вы,

кажется, живете где-то совсем рядом, кажется, в Приморском районе. Это будет где-то «семь лаптей по карте».

В ответ Евгения, соглашаясь, даже бровью не повела, принимая услышанное как должное и изобразив на лице выражение «сбылась самая большая мечта детства».

– Ой, только не расстраивайся так, меня вот вообще в этом списке нет. – Раиса Марковна была явно в ударе, видно, пирожок и чай из пакетикам пошли ей на пользу, и она с явным удовольствием, не замечая воцарившуюся

в ординаторской тишину, вдохновенно продолжала:

– Вот я. Я совсем не собираюсь плакать. Мне по возрасту на панель поздно, а на паперть, по хабитусу, рано. И ничего. Собираюсь жить, как ты, Женечка, часто говоришь, долго и счастливо.

Новость о «дачке на Канарах» произвела эффект шоковой терапии, и продолжение насчет паперти и панели уже никто не слышал. Не то чтобы воцарилась атмосфера великой скорби и печали, но поводов для радости тоже как-то не наблюдалось.

Евгению затошнило, и появилось ощущение нехватки воздуха.

– Схожу на дороговое, – с трудом произнесла она, прервав общее молчание.

– Жень, там еще кофе-автомат не убрали, может, по чашечке? – спросила Маринка, направляясь к выходу. – Да и поговорить надо.

– Рая, поставь наконец Анькину чашку и завари себе свежий чай, – раздался за ее спиной сердитый голос Алины Арнольдovны. И только сейчас все обратили внимание, что Раиса Марковна под шумок захватила чашку Анны Михайловны и, сохраняя абсолютное спокойствие, продолжает попивать из нее чай.

– Я уже упаковала свою чашку, – тут же отозвалась Раиса Марковна, – и пакетиков больше нет, этот был последний.

– Ну ты, как всегда, своего не упустишь...

Кому принадлежала последняя реплика, Евгения уже не разобрала, вместе с Маринкой они вышли в коридор, где стало заметно свободнее. Исчезли несколько особо крупных ящиков, большая часть коробок и мешков. Уменьшилась суeta и количество снующего народа, стало значительно тише. Родильный дом еще был жив, но его состояние можно было оценить как безнадежное, и до конца оставалось совсем немного, он понимал это и, несмотря на боль, уходил достойно.

– Как Мишка и тетя Нина? – первой, на ходу, заговорила Женька.

– Все как обычно. Мама всем недовольна, Мишка в детском саду на летней даче. Женя... – подстраиваясь под ее шаг, с готовностью ответила Марина и внезапно остановилась на полуслове, будто натолкнулась на невидимую стену.

У кофемашины стояли двое мужчин. Оба невысокие, лысоватые, с лоснящимися круглыми щеками, сами все такие плотненькие и крепко сбитенькие, с одинаковыми аккуратными пузиками, похожие на только что поспевшие огурчики, в одинаковых от-кутюр костюмах и брендовой обуви, которые даже не старались скрывать своей баснословной цены. Прямо двое из ларца одинаковы с лица, только костюмы разного цвета, – промелькнуло в голове у Евгении, но сказать вслух не успела, мужчины одновременно развернулись и посмотрели в их сторону. Маринка что-то жалко пискнула в виде приветствия и мгновенно скрылась за ближайшей дверью, мужественно оставив Евгению на растерзание.

Первый – главный врач Антон Ильич, увидев ее, сразу впал в некую задумчивость, решая непосильную задачу – узнавать или не узнавать строптивного доктора, но, видимо, придя к выводу, что корона с его ушей не свалится, снизошел до холодного, почти незаметного кивка – мол, заметил и даже узнал. Тонкий излом губ, зажатый между толстыми щеками и двойным подбородком, слегка дрогнул, чуть приподнялась бесцветная бровь, тем самым подчеркивая

заплывшие мутные глазки, и все лицо сразу стало напоминать тот блин, который бывает первым, то есть комом.

Евгения расплылась в «радостной» улыбке. А как же! Ведь ее узнали! Теперь чувство гордости и вселенского счастья должно переполнить ее «ничтожное» существо и желательно вылиться в виде соответствующих моменту ритуальных песен и плясок. От подобных мыслей у Евгении улыбка едва не вышла за пределы лица.

– Евгения Павловна, – главный врач мгновенно убрал со своего лица выражение «вымученной» доброжелательности. – Не забудьте подойти в отдел кадров и написать заявление «по собственному желанию».

– С чего это? – продолжала веселиться Евгения. – Меня вполне устраивает работа под вашим мудрым руководством, Антон Ильич. Тем более меня здесь нет, я еще в отпуске...

– Антон Ильич, – остановил закипающего главного его собеседник.

«Собеседник» был «большой шишкой» в комитете здравоохранения. Два года назад она познакомилась с ним на научном конгрессе в Сочи, где «шишка», перебрав на банкете, открытым текстом предложил ей переспать. При этом пообещав «такой красивой» женщине не только незабываемые ощущения и ночь, полную «страсти и неги», но и руководящую должность в медицинской организации по ее профилю. И тут же получил ответ, который прозвучал коротко, но весьма доходчиво – «она собой не приторговывает и очень надеется, что у нее никогда не возникнет такой жизненной необходимости». В тот же миг на всей ее дальнейшей карьере был поставлен один большой черный жирный крест. Даже если бы ее заранее предупредили о женской консультации во Всеволожске, ответ был бы тот же.

– О чем задумались, Евгения Павловна? – ласково произнес «комитетчик», подав знак главному врачу, чтобы он их оставил. И тот, поняв все с полупапека, «шаровой молнией» унесся в свое «счастливое будущее».

– Вы по-прежнему хороши, и загар вам к лицу, – бархатным голосом журчала «шишка» из комитета. При этом делая вид, что не видит, с какой до неприличия быстрой скоростью удаляется главный врач. – Как ваши дела?

– Как любит говорить Раиса Марковна, заведующая нашим послеродовым, «не хочу вас расстраивать, но таки у меня все хорошо».

– Ну почему же это меня должно расстраивать? Я искренне рад этому. Кстати, почему вы не хотите писать заявление?

– Не понравилось новое место работы, которое мне предложили. Извините за нескромный вопрос: вы его вместе с главным врачом выбрали?

– Напрасно вы так, Евгения Павловна, – бархат в его голосе исчез без следа. – Ведь может возникнуть ситуация, что и женская консультация во Всеволожске окажется плодом желанным, но запретным. Но не будем ссориться, – процент елеса в его голосе вновь превысил все разумные уровни. – Возможно, у вас все-таки возникнет желание позвонить мне, и я буду только рад этому. Кстати, о заявлении, даже если вы его не напишете, вам, конечно, когда-нибудь выплатят материальную компенсацию, выдадут единовременное денежное пособие, а потом будет центр по безработице с его грустным пособием. Деньги имеют свойство быстро заканчиваться, особенно если нет новых поступлений. Так что можете продолжать улыбаться, ведь завтра может быть еще хуже... И на сим позвольте откланяться, – он быстро развернулся и, не прощаясь, пошел в сторону лестницы.

Евгения осталась стоять на том же месте, только покрепче сжала кулаки. Ей нечего было сказать этой осанистой, уверенной в себе властной спине.

– Они ушли? – тревожно спросила Маринка, чуть высунувшись в приоткрытую дверь, и оглядела опустевший коридор. – Жень...

– Марина, не сейчас, пожалуйста, – ничего не объясняя, Евгения повернула к ординаторской. Кофе, так же как и продолжать разговор с сестрой, уже не хотелось.

В ординаторской было пусто, на столе заведующей осталась стоять чашка с остатками недопитого чая и пустая тарелка из-под пирожков. Не глядя она выпотрошила свой стол и совершенно безобразным образом, будто опаздывала на последний поезд, не разбирая на нужное и ненужное, затолкала все в большой пластиковый пакет. Он получился громоздким, но не тяжелым. Главное неудобство доставляли книги, чьи острые углы достаточно неприятно били по ногам. Зато была занята только одна рука, дамская сумочка, размерами и формой больше напоминающая средних размеров рюкзак-трансформер (зато туда поместились сменные туфли) благодаря своим длинным ручкам, была лихо переброшена через плечо (при этом достаточно чувствительно ударив свою хозяйку по спине). Расправившись с рабочими моментами, она теперь мучилась единственной дилеммой. Как добраться домой? Можно было проехать пять остановок на трамвае до метро, там всего две пересадки, минут десять на автобусе – и ты дома. Вариант второй – маршрутка, но до нее минут пятнадцать пешком, хотя если быстро и дворами... а если еще и в проходном подъезде одного из старых домов, составляющих основу этого района, будет открыта дверь черного хода, то... Времени на дорогу домой уйдет примерно столько же, но можно будет ехать сидя, что весьма удобно, учитывая размеры ее поклажи, и не бегать по пересадкам. Приняв всю весомость приведенных ей же самой доводов, Евгения, выйдя из роддома, решительно свернула во дворы.

Небо периодически хмурилось, но летнее солнце мужественно отвоевывало потерянные утром позиции. В конце концов, не все так плохо. Ей не надо лить слезы по разбитой личной жизни по причине отсутствия таковой, как там пел Лукашин из «Иронии судьбы...», «если у вас нету тети», в ее случае дяди, «то вам ее (его) и не потерять...». Настроение улучшалось. Даша с Леной прорыдаются, потом успокоятся, и все вернется на круги своя. Может, конечно, не все и не у всех, но надо надеяться на лучшее, а у нее еще продолжается официальный отпуск, и никто ничего с этим поделать не может – поэтому можно расслабиться и ни о чем не думать аж до самого понедельника. А там «будет день, будет пища». Так, незаметно пребывая в своих мыслях, Евгения подошла к старой, покрытой облупившейся темно-коричневой краской двери, которую от посторонних глаз скрывали высокие кусты сирени. На двери красовался увесистый ржавый замок. Еще в студенческие годы они с ребятами, торопясь на практику в роддом (и, как всегда, опаздывая), сокращали здесь путь. Женя осторожно потянула на себя ручку, и дверь послушно открылась. О проходном подъезде знали только старожилы района, и у них в группе был парень, чьи предки жили здесь чуть ли не «со времен Петровых». Огромный замок был обманкой, пристроенной таким образом, что создавал полную иллюзию намертво законсервированной железяки. Нырнув в темную прохладу подъезда и тихонько прикрыв за собой дверь, Евгения оказалась под широкой, старинного мрамора лестницей и прислушалась. На площадке первого этажа была всего одна квартира. Судя по небольшим размерам двери, относительно тех, фундаментальных, дубовых, расположенных на верхних этажах, здесь, наверное, в дореволюционные времена жил дворник. Сейчас эта зона представляла определенную опасность. Там жил вредного характера старикашка, и Женя совсем бы не удивилась, если бы он оказался прапраправнуком того самого дореволюционного дворника. Этот старикашка постоянно дежурил у дверного глазка, отслеживая всех, кто появлялся в их подъезде, и особенно не любил тех, кто смел воспользоваться черным ходом, тогда он, приоткрыв дверь на всю длину металлической цепочки, которая при этом грохотала с мощью якорной цепи авианосца, выдавал нелестные комментарии типа: «Что ходят здесь всякие, а потом квартиры грабят и всех убивают». Для Евгении сейчас главной задачей было незаметно прошмыгнуть мимо.

Но нет, не повезло.

Она не успела сделать и пару шагов, как, знакомо загрохотав железом, приоткрылась покрытая потертым дерматином дверь, и над цепью зависла голова с всклокоченными седыми волосами и лицом, изборожденным глубокими, похожими на шрамы морщинами.

– Опять вы здесь ходите, – проскрипел недовольно старик. – Сколько это может продолжаться, я вас спрашиваю?

– Извините. Здравствуйте. Очень тороплюсь.

Переходя с бодрого аллюра на галоп, выдала на ходу Евгения, успев поймать спиной гневный взгляд хранителя подъезда, которым он выстрелил ей прямо между лопаток. За столько лет ей еще ни разу не удалось незаметно проскочить «зону 51», как ее называли между собой студенты. В те «веселые» времена она часто пользовалась этой дорогой, потом все реже и реже, но их диалог со старым жильцом всегда был один и тот же. Выскочив на Большой проспект, она невольно порадовалась – хотя бы здесь ничего не изменилось.

Маршрутка подошла быстро, и она, заняв пустующее место у окна, водрузила пакет себе на колени. Через пару остановок маршрутка будет забита до предела, и пока была возможность, Евгения старалась пристроить свою поклажу с наименьшим для себя травматизмом, учитывая то, сколько времени

ей понадобится сидеть в одной и той же позе.

На одной из остановок в салон вошла девица с прической, похожей на распаренный «Доширак». Она была одета в розовую атласную «пижаму», и на ее пышной груди сверкали вышитые бордовыми блестками, увеличенные в десятки раз губы а-ля Анджелины Джоли. Присмотревшись, Евгения все же решила, что это не пижама, а такой вот костюм, хотя кто его знает. Махнув опахалом ресниц и в долю секунды оценив, что на огромный черный пакет с едва виднеющимися из-за него круглыми глазами какой-то тетки не то что не стоит обращать внимания, красотка вальяжно устроилась на только что освободившееся место.

Ехать было долго. Евгения набрала номер Дарьи и поинтересовалась, не затопили ли они своими с Ленкой слезами нижние этажи, и тут же узнала о себе много нового. Например, что иногда она может быть на удивление холодной и бесчувственной эгоисткой. И что если ей так повезло в жизни (этот тезис уж точно вызывал сомнение) и у нее рядом нет никакого источника головной боли, то это совсем не значит, что можно так бросать подруг в тяжелую для них минуту. Евгения тут же искренне раскаялась, что, погрязнув в своих делах, бросила самых необыкновенных, самых замечательных и самых лучших в мире, самых достойных из достойнейших, самых прекрасных из прекраснейших... Дашка, не дав ей закончить сию тираду, посоветовала заткнуться, при этом добавив, что они ее тоже любят. Приняв Женькину покаянную речь, и уже значительно спокойнее Дарья продолжила, что Лена уехала к Николаю Петровичу в больницу, там сегодня делает обход какой-то профессор-кардиолог, мировой светила, а Зинаида Михайловна, впав в глубокую депрессию, допивает ее, Дашкину, кровь, а еще у Бегемота закончился корм, и он уже полчаса смотрит на нее очень нехорошим взглядом. Поэтому вполне возможно, что она доживает свои последние часы и ее, бедную, разнесчастную и всеми брошенную или Зинаида Михайловна заговорит до смерти, или Бегемот съест.

– Я на секунду заеду домой, чтобы оставить вещи, и еду к тебе на помощь. Сбрось мне на мобильный, какой корм нужно купить... – быстро

закончила разговор Евгения, так как в маршрутке начинал разгораться жаркий конфликт.

Недавно вошедший пьяненький, потрепанного вида, но с большими претензиями на брутальность мужичок в черной майке-борцовке, которая должна была подчеркивать мужественность «красавца». Но та никак не вязалась с его впалой грудью, грустно торчащими ключицами и трехдневной щетиной. Солнцезащитные очки и бейсболка козырьком назад стали «вишенкой», довершающей образ «супермена». Новоиспеченный Джейсон Стэтхем сразу решил очаровать «Доширак» и, судя по бурной реакции девицы, сразу сделал ей «непристой-

ное предложение». Блондинка не была выпускницей института благородных девиц и обложила поклонника так, что в шоке замерли не только все пассажиры маршрутки, но и сам «ухажер». Евгения, конечно, знала, что русский язык «богат и могуч», но не думала, что настолько. Страсти разгорались с невероятной скоростью. Женя, затаившись за спасительным мешком, пристально изучала панораму за окном. Кто-то из пассажиров не выдержал и сделал паре замечание, заметив, что они здесь не одни. И понеслось... Красный, с налитыми кровью глазами «пылкий влюбленный», круша все на своем пути, ринулся вглубь салона, громогласно требуя, что, если кто недоволен, пусть скажет ему это в лицо. И если кто здесь такой умный, то пусть ездит в метро, а не в маршрутке вместе с порядочными людьми.

Маршрутка была небольшая, и поэтому потасовка началась сразу, как только он поднялся с места. Молодой мужчина, сидящий через проход от «борца за справедливость», попытался усадить его на место, и они вдвоем начали заваливаться на сидящих рядом пассажиров. Громко завизжала какая-то женщина. На заднем сиденье заплакал ребенок. Завязавшееся топтание в узком проходе из-за малой площади никак не могло перейти в более серьезные боевые действия. Свалка завершилась предсказуемо. Маршрутка, врезавшись во впереди идущий троллейбус, остановилась и тут же получила в свой тыл удар бампером иномарки, чей владелец не вовремя зазевался. Через несколько минут все пассажиры общественного транспорта покинули свои места, при этом многие комментировали произошедшее, не стесняясь в выражениях. Особенно усердствовали несколько человек из маршрутки, включая самого водителя. «Доширак», внезапно проникшись состраданием к своему уже изрядно потрепанному спутнику, подхватила его под руку и на «глазах у изумленной публики» увлекла за собой в неизвестном направлении. Тот, демонстрируя всем своим видом, что жизнь удалась, громко и вдохновенно знакомил свою подругу с планами на их совместное будущее.

Евгения, прикинув свои возможности – пройти две очень немаленькие остановки с объемным пакетом и «рюкзаком» наперевес, да еще и в жару, – тут же решила не доказывать себе, что она способна на столь героические поступки. Без всяких сомнений, она обеими руками ратовала за здоровый образ жизни, но... без фанатизма, считая, что в решении любого вопроса главное – вовремя остановиться, и, больше не раздумывая, решительной поступью направилась к ближайшей автобусной остановке.

К дому Ленки она подъехала на такси, потому что сегодня уже одна мысль об общественном транспорте вызывала у нее судороги в икроножных мышцах и нервное подергивание головой. Дашка ждала ее на улице, стоя на щербатом крыльце у массивной парадной двери. Евгения ей позвонила из машины и предупредила, что категорически отказывается одна тащить все тяжести наверх. Перед тем как ехать сюда, она зашла в гипермаркет и закупила продукты в расчете на то, что они могут задержаться у Елены на пару дней, а если требуется корм Бегемоту, то не лишним будет взять ему наполнитель для туалета. Когда они с водителем все загрузили в багажник, машина тихо осела на обода, но это были уже не ее проблемы.

Дарья, увидев количество пакетов, привезенных Женькой, попыталась

сделать вид, что она с ней не знакома, но вариант не прошел. Евгения нагрузила ее по самую маковку и попутно рассказала, как встретила на работе несостоявшегося героя-любownika, которому не о чем было больше говорить, как о неласковом прошлом.

– И? – неся сразу несколько тяжелых пакетов и с трудом переводя дыхание, поинтересовалась Дашка.

– Предложил звонить... И еще мне предложили перейти на работу в женскую консультацию в Вышнем Волочке. – Евгения остановилась и постаралась отдышаться. – Спрашивается, какого черта я столько накупила?

– Куда?! – Дашка споткнулась о ступеньку и едва не выронила пакеты. – Какой-какой Волочек?!

– Да не в Волочек, а в Вырицу, тьфу, во Всеволожск. Не удивляйся, я сегодня еще раз в аварию попала...

– С этого и надо было начинать. Что, головушкой стукнулась?

– Очень смешно... О, смотри, нас встречают...

На пороге Ленкиной квартиры с дьявольским блеском в глазах и демонической улыбкой на морде сидел Бегемот.

– Никогда не думала, что коты умеют улыбаться, – замороженно глядя на него, произнесла Евгения.

– До сегодняшнего дня я тоже, – ответила Даша, старательно отводя глаза от мейн-куна.

Бегемот милостиво пропустил их в квартиру и, сопроводив на кухню, запрыгнул на стул, откуда самым внимательным образом стал следить, как происходит разбор продуктов. Всем своим видом он демонстрировал, что ему приятен шелест разворачиваемых пакетов.

– У нас по какому случаю банкет намечается? – рассматривая образовавшуюся на столе гору еды, поинтересовалась Дарья. – Или ты такая голодная?

– Нет, не голодная... Хотя, да, наверное, голодная... но чуть-чуть.

Убрав пустые пакеты в ящик стола, Евгения часть еды сложила в холодильник и замерла в нерешительности над тем, что осталось на столе.

– Даш, ты не видела, я купила батон «Докторской» и не могу его найти...

– Нет, не видела. А зачем ты его купила? – перестав насыпать кошачий корм в миску и разогнувшись, спросила Дашка. – Так зачем нам докторская колбаса?

– Хотела детство вспомнить и сделать горячие бутерброды к чаю... А где Бегемот?

Возникшее молчание было прервано доносившимися из коридора странным урчанием, перемежающимся громким чавканьем. Не сговариваясь, они осторожно выглянули за дверь. Бегемот лежал, растянувшись поперек широкого коридора, и занимал собой все свободное пространство. Навалившись на «Докторскую» и на всякий случай прижимая ее передними лапами к полу, кот с невероятной жадностью (напрочь забыв о хороших манерах), с таким чувством, будто его не кормили с момента рождения, доел этот шедевр мясоперерабатывающей промышленности.

– А мне совсем и не хотелось бутербродов, – прошептала Дашка, стараясь не отвлекать кота от трапезы.

– Надеюсь, он сдохнет от несварения желудка, – холодно произнесла Зинаида Михайловна, приведением замаячив в глубокой темноте коридора.

– Женечка, спасибо, что ты вернулась. Измерь мне давление. Мне так плохо, кажется, я умираю.

Переступив через недрогнувшего при этом Бегемота, она с видом графини из «Пиковой дамы» всплыла на кухню. С брезгливой миной осмотрев содержимое стола, взяла кусок батона, положила на него два куса нарезной буженины, чуть подумав, сверху пристроила еще кусок булки.

– Даша, завари мне, пожалуйста, чай и положи туда три ложечки сахара. Женечка, не забудь, я тебя жду, а то голова раскалывается и как-то в области сердца давит. Да, девочки, Леночка звонила, скоро будет.

В большом махровом халате и медленной плавностью своих движений

Зинаида Михайловна напоминала неповоротливую субмарину. Тем же путем (вновь переступив через Бегемота) она отчалила в свои апартаменты.

Лена действительно не заставила себя ждать. Но Евгении хватило времени убедить Зинаиду Михайловну, что с таким артериальным давлением, как у нее сейчас, она проживет еще минимум сто лет. Но Зинаиду Михайловну не так-то просто было сломить. Взяв Женю за руку, она смотрела на нее глазами, подернутыми слезой, и томным голосом просила ее не щадить. Она должна знать правду, ей просто необходимо успеть проститься с ее такой «маленькой и

беззащитной девочкой». Увидев своими глазами цифры на экране тонометра, Зинаида Михайловна тут же заявила, что нет ничего опаснее, чем перепады давления, так как только что там, на кухне, у нее, и она это знала совершенно точно, давление было выше двухсот. Теперь, учитывая улучшение состояния, она бы съела еще пару бутербродов (уж очень буженинка хороша). Желаемое ей было тут же предоставлено, и после трапезы, на какое-то время потеряв интерес к коту и к подругам, она задремала.

Дашка, блеснув хозяйственными талантами, накрыла стол для перекуса и заварила свежий чай.

Бегемот, не сопротивляясь, отдал жалкие остатки колбасных шкурок, которые он не смог осилить, и теперь дремал в той же позе, что и обедал.

Когда Ленка вошла в дом, подруги решили, что случилось что-то непоправимое. Она выглядела так, будто ее на несколько минут – только для прощания с близкими – отпустили с плахи, и палач, занеся свой топор, уже с нетерпением ждал ее возвращения. С целью экстренной реанимации ей тут же налили огромную чашку крепкого чая и сунули в свободную руку «дежурный» бутерброд. Ее рассказ был сбивчивым, с паузами на хлюпанье носом, проглатывания очередного куса бутика и призывами собственной смерти. В конце концов из ее сбивчивого рассказа удалось выяснить, что у Николая Петровича подозревают второй инфаркт, но картина еще окончательно неясна

и нужно время, а пока он будет находиться в кардиореанимации.

Ленка попыталась разрыдаться, но Евгения с Дашкой одновременно рванулись на помощь. Одна, намочив холодной водой полотенце, вытирала ей лицо, другая же, нигде не найдя успокоительных капель, плеснула в стакан хорошую порцию коньяка (початая бутылка стояла в буфете на самом видном месте).

Зазвонивший у Женьки мобильный не позволил ей полностью вылить все содержимое бутылки в граненый раритет застойных времен, и, увидев высветившееся имя абонента, она едва не выронила саму бутылку, да и телефон тоже.

Звонила Раиса Марковна. За все время, что они вместе работали, а это был не год и не два, заведующая ни разу не снизошла до того, чтобы позвонить ей самостоятельно. Высокая, статная, с огромной грудью и непропорционально маленькой для такой фигуры головой с короткой стрижкой «под мальчика», Раиса Марковна обладала очень своенравным характером, деля все только на белое и черное. В решении клинических вопросов ей не было равных, за что начальство в лице главного врача ей многое прощало, начиная от откровенного хамства до жалоб и неприкрытого вымогательства денег у пациентов. Хуже всего приходилось тем, кого она соизволила невзлюбить, а для этого многого не требовалось. Интересная внешность, хорошие мозги и многое что еще «хорошее» могло вызвать у нее раздражение, тогда организовывалась коалиция из приспешников, и человека «съедали» медленно и с удовольствием, постепенно выдавливая его с работы. Женю терпели ради Марины, которая сразу своим веселым нравом, умением вычислять нужных людей и находить к ним подход завоевала сердце «великой Раисы».

– Женя, ты можешь говорить? – произнесла тяжелым голосом Раиса Марковна, не поздоровавшись.

От самого звонка, от того, каким голосом с ней заговорили, Женя как-то сразу поняла: произошло что-то страшное, и сейчас ее жизнь закончится.

– Раиса Марковна, что случилось?

– Женя, приезжай в роддом... Здесь полиция... и следователь хочет с тобой поговорить...

Марина покончила жизнь самоубийством...

– Как... – Женя хотела спросить, «как покончила...», и не смогла закончить фразу.

– Женя, она повесилась. Приезжай...

Мобильный выскользнул из сразу похолодевших пальцев и с глухим стуком упал на стол. Евгения посмотрела на замерших подруг и, как воду, выпила предназначавшийся для Ленки коньяк.

– Мне надо на работу. Там Марина... – она потерла рукой лоб. – Сказали, что она умерла... Самоубийство...

– Я еду с тобой, – решительно заявила Дашка, – а ты что сидишь, как квашня?

– А что мне делать? – обиженным голосом спросила «квашня» – она же Ленка. – И почему я квашня?

– Такси вызывай, принцесса! – передразнив ее «обиженный» голос, резко посоветовала Дарья. – Так, девочки не расслабляемся. Женечка, иди ополосни лицо холодной водой. Ты должна быть в форме. У нас пять минут на сборы.

Кабинет по современным меркам был небольшим – около ста квадратных метров. Когда она оговаривала с архитектором и дизайнерами его форму и интерьер, было выдвинуто несколько условий. Кабинет должен иметь слегка вытянутую форму овала или прямоугольника, больше стремящегося к квадрату, с четким разделением на две неравнозначные зоны – основную, большую, рабочую, и второстепенную, меньших размеров и менее официозную – для «дружеских», полуофициальных бесед. Весь интерьер необходимо выдержать в стиле «английского кабинета», но без массивного утяжеления с учетом, что его хозяйка – женщина, но и без лишнего акцента на этом – чтобы гости не строили каких-либо иллюзий по ее поводу. И все было сделано именно так, как она хотела. Стены по периметру были уставлены книжными стеллажами, умеренно тяжелый рабочий стол дополнял новейший компьютер, строгие кресла и несколько диванов усиливали деловую атмосферу. На видном месте, почти у входа, отдельно высилась тумба, схожая с аналогом, и на ней возлежал устрашающих размеров фолиант в кожаном переплете, украшенный золотым тиснением, россыпью полудрагоценных камней и массивными серебряными пряжками-застежками. Это было эксклюзивное, изданное в единственном экземпляре собрание сочинений Пушкина, подаренное хозяйке кабинета деловыми партнерами. В полукруглой нише – эседре – находился небольшой камин, пара уютных кресел и журнальный столик. Здесь за чашкой кофе проводились более доверительные беседы.

За стенами кабинета кипела жизнь. Машины и люди в безумном ритме сновали туда-сюда. Суета сует. Как быстро проходит жизнь. Жизнь – это движение. В современном мире жизнь – это гонка. Гонка на выживание. Если ты не в лидерах, тебя затопчут такие же аутсайдеры. Когда ты в лидерах, то в затылок с ненавистью дышат «вторые», готовые в любой момент столкнуть и растоптать. Но сейчас Багрицкую это меньше всего волновало. Учитывая то положение, что она занимала в высшем экономическом эшелоне, ей уже давно никто не смел открыто объявить войну, если только так – чуть куснуть, а потом, жалобно скуля осознавав весь ужас содеянного, пытаться побыстрее спрятаться в тайную норку и притвориться (от греха подальше) мертвым. Сейчас ее голова была занята совсем другим. Последняя неделя почти выбила ее из колеи. Подойдя к столу, она нажала кнопку вызова и, достав из шкапулки сигарету, вставив ее в длинный мундштук, поднесла ко рту. Появившийся буквально из воздуха секретарь, стараясь скрыть растерянность, похлопал себя по карманам в безуспешных поисках зажигалки. Она, слегка качнув головой, тут же прекратила его судорожные подергивания.

– Я получила определенного рода сведения, – задумчиво произнесла она, достав из той же шкапулки золотистую зажигалку в виде миниатюрного пистолета. – Не правда ли, оригинальный и весьма необычный подарок? – Ее вопрос не предопределял ответа, и секретарь это понял. Нажав на курок, она получила небольшой голубой огонек, но не закурила, а несколько мгновений задумчиво смотрела на пламя. – Леонид Александрович, пожалуйста, в течение получаса меня не беспокоить.

Секретарь понимал ее с полуслова – это была не просьба, это был приказ, который не подлежал обсуждению и уточнению. Продолжая играть зажигалкой, она бросила сигарету на стол. – И еще, пожалуйста, позвоните Самуилу Аркадьевичу. Я жду его через сорок минут, и к его приезду сделайте кофе.

– Все будет сделано, Тамара Георгиевна, – четко проговорил секретарь и неуловимо, чуть склонив голову, выразил глубочайшую степень уважения и вышел из кабинета.

Она же, сидя в огромном кожаном кресле и положив ногу на ногу, думала о телефонном звонке начальника службы охраны. Полученное сообщение, что обо всем удалось договориться и проблема решена, запредельно повысило ее жизненный тонус, вызвав непреодолимое желание снять копившееся последнее время напряжение. Неделю назад она получила известие, вызвавшее у нее вначале растерянность вплоть до легкого шока, потом радость и, наконец, появление настоящего смысла в жизни и активное желание действовать. Дело было настолько деликатным, что она смогла поручить его только Лаврентьеву, и то с условием, что истинной цели никто не должен знать, а в определенные детали может быть посвящен только очень узкий круг самых доверенных людей. Ее не интересовало, каким образом будет решен этот самый важный на данном жизненном этапе вопрос. Может, именно ради этого она строила свою империю, и теперь все приобрело определенный смысл. Теперь все решено. Довольная улыбка едва коснулась уголков ее губ, и она, по-хулигански забросив ноги на край стола, позволила себе расслабиться.

Минимум косметики на холеоне, с тонкими аристократическими чертами лица. Черные, как вороново крыло, волосы были гладко зачесаны назад и собраны на затылке в огромный пучок. Ее лицо и крепкое тело, поддерживаемые массажами, фитнесом, здоровым питанием, строжайшим режимом работы и отдыха, помогли сохранить в ее возрасте свежесть, природную женственность и душевную гармонию. Она достойно несла свои годы, не прибегая к помощи пластических хирургов, конечно, цифры в паспорте не радовали, но и не давали повода впасть в истерическую панику. За это годы были к ней более чем милосердны.

С удовольствием рассматривая свои туфли на высоченных каблуках, она вновь чуть улыбнулась. Красивая обувь всегда была ее слабостью. Только встав с кровати, в ванной комнате и в спортзале она на короткое время позволяла себе надеть соответствующие этим моментам вещи – халат или спортивный костюм, мягкие тапочки или кроссовки. Все остальное время, даже если она планировала весь день провести дома, при этом не ожидая чьих-либо визитов, она всегда выглядела так, будто сейчас собиралась на великосветский раут: на голове – совершенная укладка, на лице – легкий макияж, элегантная одежда и обязательно туфли на высоком каблуке. Никто никогда и нигде не мог застать ее «выглядевшей неподобающим образом». В ее жилах текла смесь, представляющая собой убойный коктейль. Здесь присутствовали русская и еврейская кровь, испанская и французская, немецкая и татарская, украинская и грузинская, и каждая капля несла в себе качества, определяющие черты ее внешности, характера и интеллекта. Всегда выдержанная и со всеми уважительно на «вы» независимо от статуса, пола и возраста. Она с ранней юности усвоила, что оскорбляют не слова, сказанные в порыве пусть даже самого справедливого гнева. Неизгладимую, незабываемую до сердечной боли обиду оставит тот тон, которым они были произнесены. Людей унижать нельзя. Даже самый ничемный человечик при определенных обстоятельствах это обязательно вспомнит (пусть тогда, в свое время, он и получил за дело) и в самый неожиданный момент, может быть, не нанесет ответный удар, но может просто не подать руку помощи – равнодушно смотря, как ты гибнешь. И неизвестно, что страшнее... Ведь добро, сделанное тобой, могут и не вспомнить, а вот собственное унижение не забудут никогда. В ее лексиконе не существовало таких слов, как «нищерброд», «быдло» и им подобных. Ровный, спокойный, порой даже с ласковыми нотками голос мог привести в смятение искушенных и закаленных реальными и «подковерными»

боями мужчин, а ее отточенный прекрасным образованием ум анализировал и выдавал решения порой быстрее, чем хороший компьютер. «Царица Тамара». Она знала, как ее называют за спиной, и вновь улыбка чуть тронула уголки ее губ, этот титул ей в определенной мере льстил, в конце концов ничто человеческое ей было не чуждо.

Про ее личную жизнь никто ничего не знал. Последнее десятилетие ее практически не было, хотя, конечно, кое-что было, но это никак нельзя назвать личной жизнью – так, поддержание «здорового образа жизни». Результатом бесшабашной, как ей тогда казалось, «революционной» молодости был сын. Только она смогла остановиться и взять себя в руки, вовремя поняв, что разрушать намного проще, чем строить, и перед тем как «все до основания, а затем...», вначале нужно иметь четкий план действий и желательную базу для постройки чего-то нового и более совершенного. Сын – высокий, статный красавец и, что важнее всего для мужчин, весьма неглуп, причем очень неглуп. Его ожидало блестящее будущее, но он внезапно все бросил и, демонстративно хлопнув дверью, ушел, ничего не объясняя, и буквально растворился в каких-то непонятных друзьях, быстро влился в их субкультуру... и вовремя остановиться не смог. Да, наверное, она виновата. Как теперь модно говорить, у ребенка развился синдром «дефицита внимания». Но он уже был далеко не ребенок, а если подумать, она-то вообще росла без родителей... То есть родители, конечно, были, и весьма статусные. Но когда они не были заняты своей работой, то активно занимались выяснением отношений между собой, и им совершенно не хватало времени, а может, и желания заниматься единственной дочерью. Бабушка, в кружевах и вечно прибывающая в высоких романтических грезах, могла часами наизусть читать Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Баратынского, Тютчева, Некрасова... Ах, русские поэты, ах, золотой век! С меньшей экзальтацией относилась к веку Серебряному, а уж современных и знать не хотела.

– Тамара Георгиевна, все готово, – на лице секретаря ни одна клеточка не дрогнула, когда он увидел «царицу Тамару», сидящую в позе ковбоя из дешевого вестерна.

– Спасибо, Леонид Александрович. У вас удивительная способность бесшумно появляться и исчезать, но главное, вы всегда это делаете вовремя.

– Позвольте расценить это как поощрение, – секретарь чуть склонил голову. – Самуил Аркадьевич уже выехал. Будет через сорок минут.

– Тогда потороплюсь, – убрал ноги со стола, она легко подхватила из кресла.

– Если Самуил Аркадьевич приедет раньше?

– Пусть подождет. Меня сейчас, а тем более когда приедет Самуил Аркадьевич, ни с кем не соединять... только если позвонят из больницы...

Пожалуй, впервые за все годы своей службы он услышал, даже не услышал, а скорее почувствовал в ее голосе легкую нотку нетерпения и тут же беззвучно исчез, а она, дождавшись, когда за ним закроется дверь, вошла в свой персональный лифт, рассчитанный максимум на двух пассажиров, но, кроме нее и иногда Леонида Александровича, им никто и никогда не пользовался. В кабинете дверь лифта была замаскирована под секцию книжного шкафа, а в гараже, где была его конечная остановка, это были полки с инструментами. Но в кабине лифта была и вторая дверь, она располагалась напротив той, что открывалась в гараж, и когда распахивались ее створки, то пассажир утыкался носом в глухую бетонную стену с небольшой, почти незаметной трещиной – это был проем для электронного ключа. За этой фальшстеной, а в действительности бронированной дверью, в глухом, с абсолютной звукоизоляцией подвале находился ее персональный тир. О его

существовании не знал даже секретарь.

В единственной, коридорного типа комнате подвала стены и потолок

были представлены единым железобетонным монолитом, обшитым звукопоглощающими панелями. На стыке потолка со стенами по всему периметру тонкой линией располагались светодиодные светильники, а по углам находились небольшие вентиляционные окна,

обеспечивающие мощную вытяжку. Только хозяйка знала, где здесь за одной из одинаковых серых плит спрятан сейф с оружием, самыми важными документами и так, по мелочи – наличные деньги в разной валюте, драгоценности. Сейфы у нее были и в кабинете, и в ее загородном доме, и в питерской квартире – где хранилось только то, что в любой момент должно было оказаться под рукой, кроме этого, были еще банки, и не только в России. Но здесь, в подвальном тире, была ее тайна тайн. Войдя в подвал, она подождала, когда за ней автоматически закроется сначала дверь лифта, затем и фальшстена с бронированной дверью, и только после этого подошла к небольшому столу из непрозрачного черного пластика и стали. Здесь в комнате это был единственный предмет мебели, на нем лежали звукоизолирующие наушники и ноутбук. Она включила компьютер и на небольшом экране полностью отобразилась панорама ее кабинета, воспроизведенная в настоящем времени. Камера работала безупречно. Затем, погладив рукой саму столешницу, она чуть подождала, когда из нее с тихим шелестом выдвинется тонкая и гладкая, как лист бумаги, пластинка из металлопластика. Хаотично, будто рисуя невидимые иероглифы, она поводила по нему сначала указательным пальцем правой руки, а затем левой. Раздавшийся тонкий зуммер сообщил ей, что сенсорный сканер сработал – сигнализация снята, и можно, обойдя стол, пройти вперед. Сделав определенное количество шагов, она остановилась у одной из стен, которая совершенно не отличалась от других, и осторожно погладила ее рукой. И здесь невидимый сканер считал отпечаток ее ладони, и стена, бесшумно отъехав в сторону, открыла большой, вмурованный сейф с максимально возможными системами защиты. Открыв главную дверь, а потом одну из второстепенных, она выбрала из нескольких лежащих в своих гнездах пистолетов тяжелый ПМ и две обоймы. Только закрыв сейф и вернув стену на место, Багрицкая надела наушники, специальные очки и, включив вентиляцию на усиленный режим, вставила первую обойму. Ей нравилось бывать здесь. Никто не видит и не слышит. Можно быть самой собой и не волноваться, что кто-то поймает в неловкий момент. Да и само оружие давало ощущение силы, надежности и защищенности. А еще это место помогало вести себя ровно в деловых переговорах любого уровня сложности и справляться со стрессовыми ситуациями, именно здесь она выплескивала всю бурю клокотавших внутри эмоций. Стоило только представить себя в тире, и тут же снижался накал страстей, а на пониженных тонах многое решалось быстрее и легче. В Японии на некоторых предприятиях приняты антистрессовые комнаты с чучелами, которые можно со всей силы бить руками, ногами и даже битой. Правда, в других странах это, кажется, не прижилось, там стрессы снимают психологи, психоаналитики. Но представить себя лежащей на диване и исповедующейся за деньги чужому человеку, при этом не имея никаких гарантий, что он за большую сумму или просто от скуки, чтобы поддержать разговор в компании, не выдаст все твое сокровенное, сопровождая это нелюбезными комментариями, – нет, такой вариант даже не рассматривался. Если на миг допустить мысль, что этот психоаналитик даст обет молчания и, перефразируя Пушкина, «вырвет грешный свой язык», что ненамного внушает оптимизм – ведь он еще умеет писать. «Если тайну знают двое, значит, ее знают все». Тамара всегда помнила эти слова. Поэтому создание этой комнаты и монтаж сейфа было проведено за несколько лет до возведения самого здания. Сначала был залит фундамент, построен гараж и комната «Х», потом стройка была заморожена на несколько лет, и лишь после этого, уже другой строительной компанией было продолжено возведение огромного здания из стекла и бетона. А оружие – это другое дело. Спасибо отцу и его друзьям, страстным любителям охоты. Любовь к самой охоте они ей так и не привили, а вот фанатиком оружия сделали. Только об этом почти никто не знал. Отец был мастером спорта по стендовой стрельбе и блестяще владел не только гладкоствольным оружием, но и разного вида пистолетами. По малолетству Тамара не интересовалась, откуда у них столько оружия, а раз спросив, получила резкую отповедь, что не ее девичьего ума дела и еще один такой вопрос и вместо стрельбы она будет обучаться вышиванию гладью или крестиком – на выбор. Тогда ее это разозлило, но, промолчав в ответ, поставила

перед собой цель обойти отца – и через полгода он признал ее лучшим стрелком. Отец всегда был скуп на слова, а тем более на похвалу и если что-то говорил, то это дорогого стоило. Она улыбнулась и нажала на курок, потом еще, еще и еще. Отстреляв вторую обойму, она посмотрела в бинокль. Все так, как она хотела: на мишени отверстиями от пуль обозначилось улыбающееся лицо – ровный овал, в центре которого симметрично располагались два глаза, рот из пяти аккуратных дырок и широкий провал носа – туда, в одно и то же место, в десятку, вошли три пули подряд. Времени оставалась немного, а еще необходимо было до приезда адвоката принять душ и привести себя в порядок. Убрал на место оружие и включив сигнализацию, на лифте она поднялась наверх. Кроме кабинета у нее была небольшая комната, эдакое личное пространство для отдыха – «дамская» комната с прекрасно оборудованной душевой кабиной. Стоя под тугими струями воды, она мысленно продолжала подводить итоги.

Итак, начальник охраны утверждает, что вопрос с одним жизненно важным делом практически решен и можно начинать оформление документов. Этим займутся юристы, теперь второе. Второе, но не значит, что это дело менее серьезное. Она еще не волновалась, но то, что мысль о молчании «компьютерного гения» стала посещать ее чаще, это уже наводило на определенные размышления. Здесь возможно несколько вариантов: или он не гений, или он все же гений, но у нее в делах все так плохо, что он не решается открыть ей всю истину, или, наоборот, все настолько хорошо... что он не считает нужным спешить с очевидными, по его мнению, результатами. Последний вариант у нее вызывал наибольшие сомнения.

Когда по селектору приглушенный голос секретаря сообщил о прибытии адвоката, она уже, по-деловому собранная, сидела в кресле за кабинетным столом.

– Просите, Леонид Александрович.

Коридоры, по которым они шли, были пусты, и звуки шагов гулким эхом отражались от старых кафельных плиток, так плотно подогнанных друг к другу, что они сливались в единое полотно, выстилающее полы и стены.

Женя шла чуть впереди на не сгибающихся ногах. Она все ускоряла шаг, и казалось, вот-вот побежит, а в гудящей голове крутилось: не верю. Этого просто не может быть, вот просто не может быть, и все. Когда же этот проклятый день закончится. У нее за всю жизнь не было столько проблем, нет ни проблем – настоящих катастроф, как за последние сутки.

– Я видела, что вы подъехали, и решила встретить.

Алина Арнольдовна без белого халата, растрепанная и с пунцовым от волнения лицом сейчас была совершенно не похожа на того опытного, уверенного в себе врача, которого так хорошо знала Женька. Сейчас она семенила мелкими шажками, всеми силами стараясь не отставать и побыстрее передать всю известную ей информацию.

– Женечка, тебя ждут в кабинете главного. Боже, это было так страшно. Ее нашли в малой операционной. Там лампу сняли с потолка и большой крюк остался... Санитарка пошла туда пол протереть... Я сама не видела, но, говорят, там на полу валялся список распределения на новые места работы, и будто она из-за этого...

Закончить Арнольдовна не успела. Они вошли в приемную главного врача. Здесь все было по-прежнему. Полукруглый стол, где все так же сидела Людочка, она же Люся – девица лет двадцати пяти с неестественно пухлыми

и всегда ярко накрашенными губами, любительница кофточек с отчаянно глубоким (почти до пупка) декольте и с постоянно презрительно-надменным выражением лица. Сейчас она была похожа на раскрашенного Арлекина, случайно попавшего на драматическое представление и не знающего, что ему делать в этом эпизоде. На бледно-сером лице дико смотрелась ярко красная помада и синяя подводка глаз. Люся нервно дернула головой в сторону кабинета главного, невнятно просипев что-то типа: «Вас там ждут».

В кабинете теснилось много народу, и в основном мужчины. Из женщин была Раиса Марковна и зареванная санитарка – баба Ньюша, которая, видно, в сто первый раз повторяла свою историю нахождения Марины Владимировны. По страдающему лицу полицейского, пытавшегося что-то записывать, было понятно, кроме рвущих всем нервы всхлипываний и причитаний, что «она вошла, а она висит», ничего большего добиться не получалось.

В кабинете стоял стойкий аромат корвалола, валерианы и еще какой-то концентрированный мятный запах, ассоциирующийся с зубным порошком.

Главный сидел за своим столом и чем-то напоминал секретаршу, только без декольте и яркой помады, а вот цвет лица был один в один – бледно-серое, и выражение тревожно-испуганное. Евгении достаточно было одного взгляда, чтобы окончательно поверить в реальность происходящего.

– Лицкая Евгения Павловна, – тут же представил ее главный, и в его голосе прозвучало чувство определенного облегчения, – она родственница... очень какая-то дальняя родственница этой погибшей... ну этой, Кутузовой. Он и не подумал скрыть своего довольства, что наконец появился новый объект, представляющий для правоохранительных органов значительно больший интерес, чем он.

– Следователь, Ступицын Юрий Иванович, – представился невысокий мужчина, напоминающий крепенького, правда, чуть скособоченного грибка-боровичка. «Боровичок», даже не попытавшись приподняться из-за стола, еще

раз уточнил, видимо, для себя, – вы сестра Кутузовой Марины Владимировны?

– Да. Она моя очень дальняя родственница. – Евгения решила, что здесь не будет лишним если она внесет определенную ясность, и добавила: – Наши мамы, кажется, были в родстве, в каком-то очень дальнем родстве.

– У вас с собой есть какое-нибудь удостоверение личности? И кто это еще с вами?

– Это моя подруга, – передавая следователю свой паспорт, произнесла Евгения бесцветным голосом. – Ловгиз Дарья Александровна. А теперь, если вас не затруднит, кто-нибудь мне скажет, что здесь происходит?

В ее душе, в самом укромном уголке еще теплилась маленькая искорка надежды, что это ошибка. Ведь там маленький Мишка и парализованная тетя Нина... Боже! Пожалуйста... Пусть все происходящее окажется страшным сном или самой ужасной в мире ошибкой...

– Вашу сестру нашли мертвой в одной из малых операционных. Когда вы ее видели последний раз и о чем вы разговаривали?

Следователь говорил привычно, ровно, без каких-либо эмоций. Его не интересовали ее ответы, наверное, все знал заранее, но этого требовал протокол, и он неукоснительно следовал его правилам.

– Я была здесь где-то около двух, – Жене с трудом давалось каждое слово. Она предложила мне выпить кофе, но у нас не сложилось – я очень спешила. И потом мы с ней были не очень близки. Только я точно знаю – она не могла покончить жизнь самоубийством. У нее дома мать парализованная, и сыну всего четыре года. Она не могла их бросить...

– Ну, Евгения Павловна, в состоянии депрессии и не такие поступки совершают, но я не собираюсь спорить, – следователь захлопнул лежащую перед ним черную папку. – Последнее слово за экспертизой. Результаты мы сообщим. С матерью Марины Владимировны, я надеюсь, вы поговорите сами? Или нам позвонить. Хотя нам все равно надо ее допросить, возможно, она нам расскажет что-нибудь интересное о своей дочери...

– Нет. Пожалуйста, нет. Я постараюсь ее подготовить. Вы можете отложить с ней разговор хотя бы на завтра?

– Нет. К сожалению, нет, – как-то невнятно промямлил Ступицын,

стараясь своим видом показать, как трудно дается ему подобное решение. – Но мы можем поехать к ней вместе, и я предоставлю вам возможность помочь ей перенести это известие, – от подобной «светлой» идеи у следователя явно улучшилось настроение.

– А сейчас я... могу увидеть Марину? – у Жени чуть сел голос, но, прокашлявшись, повторила: – Можно ее увидеть?

– Тело опознали главный врач и заведующая отделением (при этом главный и Раиса Марковна дружно кивнули), и его уже увезли, – произнесла молодая женщина в огромных очках и со стянутыми на затылке в «учительский» пучок волосами. Серый брючный костюм, в котором ей хотелось выглядеть солидней, только подчеркивал ее юность. Не поднимая головы от своего блокнота, она изредка зыркала глазами, вскидывая их над очками, и тут же вновь утыкалась в свои бумажки, продолжая что-то быстро записывать.

Марина и тело.

Женя никак не могла соединить эти два понятия в единое целое. Какая бы та ни была и какие сложные отношения между ними ни были, но она ее родственница, пусть и очень дальняя, но сестра. У нее, конечно же, были положительные стороны... Просто они с ней были разные и не старались найти точек соприкосновения... Но родственников не выбирают...

– Я Степаниду вызвала, – зашептала Дашка ей на ухо. – Нам без нее никак.

Женя даже не заметила, как Дарья тихо выскользнула, а затем незаметно вернулась в кабинет, согласно кивнула. Да, именно Степанида поможет с тетей Ниной и даст грамотный совет, иначе им конец. Пусть не им, а вот ей уж точно.

– Вы говорили, что ее мать парализована, – уже выходя из кабинета, продолжал Ступицын, будто разговаривая сам с собой и, жестом пригласив их следовать за ним, первым вышел из кабинета. – Евгения Павловна, а кто же за матерью Кутузовой ухаживал, когда дочь была на работе? Ведь, я так понимаю, ваша сестра замужем не была?

– Соседка. То ли Мария Петровна, то ли Мария Ивановна... Точно не помню. Она в соседней квартире живет. Марина ей платила, а та присматривала за Ниной Федоровной, а иногда и за Мишкой. Хотя Мишка чаще со мной был... А мужа... Мужа у нее действительно не было...

Все это Женя рассказывала сутулой, серой своей обыденностью, спине.

– Не надрывайся так, – притормозила ее Дашка, – он уже все для себя решил.

Евгения, замолчав, согласно кивнула. Да, действительно, депрессия – очень удобный повод для самоубийства, и у Марины были для этого все основания: одинокая, с маленьким ребенком на руках, только что лишилась работы, а дома еще ждет парализованная мать. Очень удобная версия. Осталось только дождаться экспертизы, а там точно проблем не будет – кому нужна лишняя головная боль, и все, дело закрыто.

– У меня есть одна интересная мысль. Да не беги ты за ним так, – Дашка сильно дернула Евгению за руку. – Все равно без нас никуда не уедут. Помнишь утром этих двух «каскадеров», что останавливали нас на трассе? А один потом нас еще к Ленке отвез?

– Ну, помню, – замедлила свой бодрый бег Женя, – и что?

– У тебя его номер с собой? Он же сказал, что работает в каких-то там структурах. Может, он сможет повлиять на этого Пинкертон, чтобы он дело не замаял?

– Даша, как ты себе это представляешь? Я звоню и представляюсь. Господин хороший, вы помните тех двух сумасшедших дамочек без тормозов, которые сегодня превратили задний бампер вашего нового джипа в мечту сборщика металлолома. Так вот, этот «счастливый» для вас день еще не закончился. У одной из этих не первой свежести дам убили родственницу, с которой она была, прямо скажем, в не самых прекрасных отношениях, и если

вам сейчас нечем заняться, то можете поучаствовать в расследовании этого дела.

– Женька! Как ты красиво излагаешь, – восхитилась Дарья. – Вот

почти так, но несколько мягче. Сохраняй интригу. Заинтересуй. Добавь интимности в голосе.

– Может, сразу предложить переспать?

– Не будем сразу пугать клиента. Сначала используем в корыстных целях.

– Даша, я понимаю, что сегодня для всех нас очень тяжелый день. Плюс наверняка какие-нибудь магнитные бури, потому что накрыло меня, тебя, Ленку. Короче, всех и сразу. Но ты, по-моему, пострадала больше всех.

– Злая ты, Евгения. Не добрая. Я к тебе с чистой душой, открытым сердцем и распахнутыми объятиями, а ты...

– Все, не плачь, сейчас сядем в машину, и буду искать. Можно подумать, я помню, куда дела визитку этого «высокого образца мужского совершенства».

– Обожаю твой ядовитый сарказм. Но ты же не можешь не согласиться, что в плане поступков он действительно «совершенство», – задумчиво произнесла Дарья, – правда, насчет внешности – это спорный вопрос.

В полицейской машине они сидели на заднем сиденье, и как только машина тронулась, Евгения с головой закопалась в таинственное и загадочное место, носящее название «дамская сумочка». Надежда разыскать клочок белого картона, небрежно брошенного туда несколько часов назад, была призрачной, но все же была.

– Ты уже знаешь, что и как будешь говорить тете Нине?..

– Даша, ты угомонишься сегодня? У меня и так в голове Йеллоустонский вулкан вот-вот рванет, тогда всем конец, и мне в первую очередь... Все. Нашла.

Евгения с гордостью показала несколько потрепанного вида визитку – у хорошей хозяйки все на месте. Теперь о тете Нине... Даша, я не знаю, как ей обо всем сказать... И еще, я не знаю, как жить дальше. О том, чтобы ее отправить в дом инвалидов, а Мишку – в детский дом, не может быть и речи... Есть только один путь, но мне почему-то сейчас начинает казаться, что для меня он будет последним...

– Женька, перестань. У нас всегда так. Плохо, плохо, а потом – бац...

– ...и еще хуже, – закончила за нее Евгения. – О, смотри, это не Степанида там у подъезда тоскует?

Действительно, это была она, Степа, во всей своей красе. Бросив на скамейку огромную гобеленовую сумку, где на бежевом фоне красовалась площадь Гроте Маркт в Антверпене, глубоко засунув руки в карманы белой, из тонкой шерсти кофты, надетой поверх цветастого сарафана, она нервно кружила вокруг этой самой скамейки. Выражение ее лица, состоящее из смеси тревожной решительности и совершенно не свойственной ей растерянности, никак не укреплял и так основательно подорванный дух обеих подруг.

Степанида Матвеевна, увидев, с каким трудом те, цепляясь друг за друга, выбираются из полицейской машины и как обе старательно, будто сговорившись, отводят в сторону глаза, чтобы случайно не встретиться с ней взглядом, а главное, их иссиние-зеленые от расстройства лица, поняла: весь удар ей придется принять на себя. И мужичок, что был рядом с ними, тоже не вызвал у нее оптимизма, он хоть и в гражданской одежде, но, видать, из полицейских, и уж больно какой-то корявенький – похоже ни рыба ни мясо. Расправив плечи и сделав глубокий, полной грудью вдох, Степанида направилась к ним навстречу и тут же «взяла быка за рога»:

– Евгения Павловна, вы с Дарьей Александровной меня представите этой тете Нине, а потом уходите. Я, как все закончу, вас позову, вы только телефон не занимайте – вдруг скорая понадобится.

– Ступицын я, – вдруг заговорил упорно молчавший до этого корявенький. – Юрий Иванович. Следовательно.

– И шо? – удивлению Степаниды Матвеевны не было предела. – Хочешь сам с парализованной жинкой говорить?

Следователь промычал что-то нечленораздельное, и в этом мычании звучали ноты, явно не одобряющие поступившее предложение. При этом он едва склонил голову на бок и через хитрый прищур чуть раскосых глаз внимательно рассматривал эту яркую женщину, которой даже не нужно было надевать «вышиванку», чтобы обозначить свою национальность.

Пока они поднимались в лифте, Степанида Матвеевна, крепко прижав сумку к пышной груди, рассказала следователю о себе. Это было представлено в очень урезанном виде – кто она, что она и откуда. Ступицын так глубоко ушел в себя, что, казалось, ничего не слышал и ничего не видел. Вид у него был отсутствующий, и когда лифт остановился на нужном этаже, от щелчка открывающейся двери следователь нервно вздрогнул и огляделся, видимо, не сразу вспомнив, где он находится и что это за люди с ним рядом.

Соседка была дома. Открыв дверь и увидев Евгению и незнакомых людей за ее спиной, чтобы не закричать от испуга, прикрыла рот рукой.

– С Мариночкой что-то случилось? Женя, ты чего молчишь?

– Марина погибла, – ели выдавила из себя Евгения. – Нам нужно поговорить с тетей Ниной...

– Конечно, – тут же засуетилась Мария Ивановна, маленькая, сухонькая старушка, потеврявшая счет годам, после того как в незапамятные времена отметила свое восьмидесятилетие. – Я ей недавно лекарство дала, покормила, подгузник поменяла... Она придремала, а я к себе на минуточку зашла и уже снова к ней собиралась. Ой, а как же она теперь? А с Мишей же что будет?

– Вы, моя дорогая, – Степанида Матвеевна тут же перешла на чистый русский язык, – не нагнетайте обстановку, а открывайте дверь. Дальнейшее уже не ваша забота.

У Ступицына едва дрогнула бровь. Он поймал момент и оценил произошедшие перемены в «хохлушке». Мария Ивановна, горестно причитая, мешала в одну кучу: жалобы на свою горькую долю и сетование на несчастную судьбинушку Марины, Ниночки и сиротинушки Мишеньки, а заодно призывы к помощи всех святых, чьи имена в этот момент пришли ей в голову. Она долго трясущейся рукой тыкала ключом в замок и никак не могла в него попасть. Степанида не выдержала первая и, решительно отобрав у соседки ключ,

открыла дверь.

– Марина, ты?

Женский голос, звучавший из комнаты, сразу прервался. Зеркала в небольшой прихожей и в комнате, где лежала Нина Федоровна, были расположены таким образом, чтобы она могла видеть, кто пришел и что там в коридоре происходит.

– Это я, Женя, – прекрасно понимая, что тетка ее видит, излишне громко проговорила Евгения. – Мы тут с Дашкой и ее родственницей проходили мимо...

– Где Марина? – голос Нины Федоровны зазвучал резко и требовательно. – Где она?

– Меня зовут Степанида Матвеевна, – как можно мягче представилась «Дашкина родственница» и, оттеснив всех, первая вошла в комнату к парализованной. – Здравствуйте, Нина Федоровна...

Это было последнее, что услышала Евгения, перед тем как Степа плотно закрыла за собой дверь. Они все столпились на небольшой кухоньке, не решаясь не только ходить по квартире, но даже присесть, когда из комнаты раздался страшный в своей обреченности крик. Такой звук могло издать только смертельно раненное животное.

– Стой на месте, – Дашка крепко схватила Женю за руку. – Если понадобится помощь, Степа позовет.

Никто не знал, сколько прошло времени. Когда Степанида зашла на кухню, на нее было страшно смотреть.

– Нет ничего страшнее, когда родители теряют своих детей... – едва смогла она выдавить из себя и тяжело опустилась на табурет. – У вас, Юрий Иванович, есть минут двадцать поговорить с ней... Потом она уснет и будет спать несколько часов... Только, если хотите знать мое мнение, эта девочка, Марина, она не из тех, кто так уходит из жизни...

– Приму к сведению, – равнодушно произнес следователь, и вышел.

– Воды дайте, – попросила Степанида и, достав из сумки влажные салфетки, вытерла себе лицо и шею. – Боже спаси и сохрани пережить тое, шо щас пережила та жинка. Ее здесь нельзя оставлять... А где ребенок?

– Сейчас адрес дам, – вновь засуетилась Мария Ивановна, до этого тихой мышкой притаившаяся в углу кухни. Сначала она методично осмотрела карманы не очень чистого передника, надетого поверх длинного фланелевого халата, и не нашла там ничего достойного внимания, если не считать скомканного носового платка и пары грязных тряпок, которые тут же были возвращены на свое место. Поправив на носу очки, где одна дужка была заменена на веревочную петлю, заброшенную за ухо, она приступила к исследованию карманов халата, где и был найден странного вида измятый клочок бумажки. Осторожно положив ее на стол и расправив, Мария Ивановна с гордым видом протянула его Евгении.

– Там адрес этой летней дачи, где сейчас Мишенька, и там еще телефон его воспитательницы...

– Спасибо вам, Мария Ивановна, – Степанида перехватила листочек, – а теперь домой ступайте, а то вы, кажется, свою квартиру открытой оставили.

– Ой ты, батюшки! Ведь у нас в один миг обнесут, – всплеснула та заскоружными ладошками и почти бегом скрылась в коридоре.

– С чего начнем расхлебывать дела наши скорбные? – поинтересовалась Дарья, усаживаясь поудобнее за стол. – И забываем, что у нас есть еще Ленка с «умирающими» в больнице Николаем Петровичем и дома – Зинаидой Михайловной...

Левое плечо болело немилосердно. Так всегда было перед дождем. Он знал, что за болью последует онемение и, если не принять срочные меры, рука

постепенно перестанет его слушаться. Свернув при первой же возможности с главной дороги и найдя свободное место, Платонов припарковался. Приняв лекарство, он еще несколько минут массажировал больное место, прислушиваясь к тому, как боль начинает постепенно отступать. Сегодня для восстановления потребовалось значительно больше времени, чем несколько дней назад, и дольше сохранялось чувство неприятного холода в кончиках пальцев. Еще месяц назад боль нападала один раз в две-три недели, и то только поздно вечером или ночью. Теперь это случалось все чаще и чаще, а вот так, чтобы днем, было впервые. Как бы ему этого ни хотелось, но рано или поздно придется согласиться с врачами и лечь под нож. Видимо, осколок действительно двигается, а руку потерять не хочется. Однако как это все не вовремя. Хотя у него никогда не было на себя времени. Выехав с парковки, он решил, что в управление ехать еще рано, до начала совещания у генерала оставалось времени более чем достаточно, и его как раз хватало на то, чтобы пообедать где-нибудь в спокойной обстановке.

Оставив машину во дворе у метро, он неспешным шагом прогулялся по Владимирскому проспекту и затем свернул в неприметный переулок. Там, где он заканчивался, в тупике, находился уютный ресторан, носящий имя великого русского писателя, и в это время там можно было без толчеи и сутолоки спокойно поесть. Платонов на подходе к ресторану чуть замедлил шаг. Ему нравилось бывать в этом месте, здесь неуловимо витал дух улочек парижского Монмартра – эту атмосферу усиливали маленькие магазинчики, где торговали картинками, куклами и всякими безделушками ручной работы. Как и ожидалось, ресторан был пуст. Бесшумно подошедший официант положил перед ним на стол тесненное золотом меню и винную карту.

Он уже успел выбрать себе архиерейскую уху с расстегаем и здесь тринькнул поставленный на виброрежим мобильный. Продолжая изучать меню, Платонов поднес телефон к уху:

– Внимательно...

– Привет, батя. Я по поводу того утреннего форда. Тормозная система отработана профессионально. Кто-то очень хорошо знал манеру вождения того, кто должен был быть за рулем. Система полетела в нужное время и в нужном месте. При аварии причину установить бы не удалось... но это при одном условии, если бы ее целенаправленно и в нужном месте не искали очень высококлассные специалисты.

– Как вы, – то ли спросил, то ли подтвердил Платонов.

– Как мы, – нисколько не смутившись, подтвердил собеседник. Если бы не вы, у этих женщин не было ни единого шанса. Это чистой воды покушение на убийство.

Не прощаясь, они одновременно сбросили звонок.

Подозвав официанта, Платонов попросил чай. Надо было сделать несколько звонков, и на большее уже времени не хватало, а опаздывать – это то, что он себе никогда не позволял. Достав из внутреннего кармана визитку, он повертел ее в руке и начал набирать тот номер, который был написан ручкой. Он, тогда, после аварии, не обратил внимания на то, как кого зовут. На визитке было отпечатано, что она принадлежала некоей Евгении Павловне Лицкой, врачу – акушеру-гинекологу высшей категории, и это наверняка была та, с легким загаром, с взлохмаченной головой, коротко подстриженными ногтями и быстрым острым, взглядом. Второй была хозяйка машины, такая ухоженная, эффектная блондинка с профессионально сделанным маникюром. И еще у нее были припухшие веки и тусклые безжизненные глаза – скорее всего, недавно плакала. Причем плакала долго, но при этом лицо не выражало скорбной утраты, как бывает, когда умирает кто-то из близких. Значит, личное. Похоже, узнала, что у мужа есть любовница или он вообще ушел к более молодой. Эта блондинка как раз в том возрасте, когда женатых мужиков пробивает на малолеток. А вот и причина покушения – имущество, а если на ее имя еще что-нибудь зарегистрировано, то тогда этой дамочке крупно не повезло... если, конечно, у нее нет детей, а их у нее, конечно, нет...

– Я слушаю, – ответила женщина, и по тому, как звучал ее голос, даже слабо мыслящему стало бы понятно, что у той сейчас далеко не самый лучший период в жизни.

– Здравствуйте, Дарья Александровна. Позвольте представиться,

Платонов Олег Константинович. Мы с вами и Евгенией Павловной недавно столкнулись на дороге...

– Конечно! Как хорошо, что вы позвонили, – в ее голосе теперь совершенно явственно звучала радость и надежда. – Олег Константинович, пожалуйста, давайте встретимся. Нам, то есть Жене, то есть Евгении Павловне... Пожалуйста! И если можно, сегодня. Я передам ей трубку. Заранее спасибо.

Платонов, не ожидавший такого активного натиска, насторожился. Он по опыту знал, что когда тебе так бурно радуются, а особенно если это женщина, то сто процентов из ста, ей от тебя что-то нужно, и ты объявился как никогда «вовремя», потому что именно сейчас существует «мировая проблема», которую можешь решить только ты и только сейчас. Ну что ж, назвался груздем...

– Здравствуйте, Евгения Павловна, сегодня после девятнадцати ноль-ноль или завтра в любое удобное для вас время.

– Здравствуйте, а можно завтра? – прозвучал в телефонной трубке голос другого тембра. В нем не было того легко флера кокетства, как у Дарьи Александровны, зато присутствовали деловые ноты. Казалось, она говорила через силу и совсем не хотела обращаться к нему за помощью, но, видимо, других вариантов у нее не было. И это уже становилось интересно.

– Евгения Павловна, если мы встретимся во второй половине дня, я вам позвоню и подъеду, куда вам будет удобно. Вас это устроит?

– Да, конечно, – и будто споткнувшись, значительно мягче добавила: – Спасибо вам за то, что спасли нас с Дашей.

– Рад был помочь. До завтра. А теперь возможно поговорить с Дарьей Александровной?

– Конечно, – в трубке раздался неясный шорох и женское шушуканье.

– Слушаю вас, Олег Константинович...

– Дарья Александровна, у меня для вас две новости: хорошая и не очень. С вашей машиной разобрались, привели в порядок, и скоро ее можно будет забрать. Вторая, – он выдержал небольшую паузу, стараясь подобрать нужные слова. Информация, которую он собирался сообщить, не должна была напугать ее до смерти, хотя обе дамочки явно не из «кисейных барышень», но кто их там знает. И чуть кашлянув, он продолжил:

– Дело в том, что наши эксперты не могут исключить возможность преднамеренного повреждения тормозной системы вашей машины. Открыто уголовное дело о покушение на убийство. Следователь, который этим занимается, свяжется с вами чуть позже и сообщит подробности. Будьте осторожны. И, не дожидаясь ответа, он положил трубку. После разговора на душе остался неприятный осадок, как бывает после определенной недоговоренности, предполагающей в будущем большие неприятности. Чай был холодным и невкусным. Настроение испорченным. Если бы он мог видеть выражение лица своей собеседницы в тот момент, когда разговор был закончен, то настроение было бы испорчено еще больше. Не надо ему было звонить. Все бы следователь сделал: и сообщил бы, и предупредил. Нет, надо с мальчишеским ухарством влезть в эту историю, теперь одно будет цеплять другое. У таких дамочек обязательно бывают проблемы, а ему будто своих мало. Платонов расплатился и, оставив чаевые, встал из-за стола. Пора было ехать. Начальство ждать не любит, а он не любит опаздывать.

Совещание прошло ожидаемо быстро и жарко. Короткие, только о главном сообщения. Постановка новых задач и акцент на их решение по приоритетности проблем. Платонов в дебатах не участвовал. После последнего дела и смерти во время судебного разбирательства основного подозреваемого ему дали небольшой тайм-аут. Второстепенными лицами занимались другие команды, порой даже из других ведомств. За десять минут до официального окончания рабочего дня, на пять минут раньше обычного, начальник главка резко поднялся из своего кресла, тем самым прекратив разгоревшиеся было дебаты по последнему вопросу и дав понять, что все свободны, лишь в последний момент окликнул Платонова, попросив его задержаться.

– Олег Константинович, не собираюсь вас грузить новым делом. У меня к вам просьба взять к себе в отдел... Пока на практику... Женщину... Девушку. Она в следующем году оканчивает бакалавриат и идет в магистратуру по юриспруденции в МГУ. Умная девочка. Сейчас она приписана к Следственному комитету и распределена в какое-то районное отделение. Возьми ее к себе...

– Два вопроса. Это предложение, от которого я не могу отказаться?

– Категорически не можешь, – подтвердил генерал, скривив губы и таким образом изобразив скупую улыбку.

– Можно узнать, кто ее родители?

– Простые археологи. Девочку зовут Маргарита Антоновна Баричева.

Она приступает со следующей недели.

– Слушаюсь, – выпятив грудь колесом и едва не взяв под козырек, по парадному рявкнул Платонов.

– Знаю, Олег. Самому ситуация непонятна, но этот вопрос уже решен и не обсуждается. Нагрузи ее бумажной работой, да так, чтобы ей в туалет некогда было выйти. На этом все. Свободен.

– Что он сказал? – допытывалась Женька, видя, как посерело лицо у Дарьи после окончания разговора.

– Ничего особенного, кроме того, что тормоза повредили специально и это было покушение на убийство.

– Даша, главное – сохранять спокойствие. «Пока мы едины, мы непобедимы» – кажется, так звучит у Ортеги. В конце концов они, эти самые эксперты, могли и ошибиться, они тоже люди. Женя была так убедительна, что под конец сама стала верить в то, что говорит. Дарья смотрела на нее с нескрываемым сомнением. – Ну ты же априори не можешь представлять собой какую-либо опасность, – Женька усилила натиск. – Даже если на долю секунды представить, что это затеял твой бывший, чтобы не делить имущество, так ты ни на что и не претендовала – я свидетель. Он сам, без какого-либо давления тебе все оставил. А больше подозревать некого, потому стряхни пыль сомнений, сейчас не девяностые, и просто так не убивают, тем более таким изощренным способом. Разбить новый форд, чтобы грохнуть жену, – это дорогое удовольствие. Можно найти способ подешевле и понадежнее.

– Я не поняла, ты меня утешаешь или пытаешься повысить мою самооценку? – проникновенно глядя в Женькины глаза, поинтересовалась Даша.

Та только фыркнула в ответ, решив, что под конец она, конечно, немного перегнула, но ведь совсем чуть-чуть, зато какой эффект – лицо подружки стало приобретать обычное выражение, да и говорить начала. Не Бог весть что, конечно, но все лучше, чем ничего. И тут же предложила составить план неотложных дел на ближайшие дни. Он оказался устрашающе огромным, и все перечисленное было неотложным, необходимым и требовало первоочередного выполнения. Придя к обоюдному мнению, что коллективно тоже можно сойти с ума и не стоит над собой экспериментировать, они решили, что каждая займется тем, что может сделать именно она. Если будут возникать трудности, другая тут же придет на помощь.

Нина Федоровна спала почти сутки, находясь под неусыпным оком соседки, Марии Ивановны. Степанида в это время носилась по аптекам, закупаая по списку, составленному Евгенией, необходимые лекарства, предметы ухода за обездвиженными больным и то, что может оказаться необходимым для оказания экстренной медицинской помощи. Василий Иванович, тяжело вздыхая и постоянно бормоча себе под нос: «Вот это полный пердюмонокль, голуба моя», в поте лица трудился над оборудованием комнаты для «особенной жилички»: ставил пандусы для передвижения кресла-коляски по дому и за его пределами, делал разметки в небольшом приусадебном садике, определяя удобные зоны отдыха.

Перевозили Нину Федоровну через день после гибели Марины, и для этого была вызвана специализированная кардиологическая скорая помощь, где после снятия кардиограммы и проведения дополнительных исследований врачами бригады было вынесено заключение, что пациентки ничего не угрожает и она вполне транспортабельна. Нина Федоровна смотрела на окружающих затуманенными лекарствами глазами, оставаясь болезненно равнодушной ко всему происходящему. Тревожное выражение, мелькнувшее было на ее лице, когда она увидела Степаниду Матвеевну, тут же сменилось довольным умиротворением.

– Только не бросайте меня, – вновь засыпая, прошептала она, едва шевеля губами, – только не бросайте.

Даша с Евгенией ехали за скорой в стареньком «вольво», за рулем которого очень тихо и совсем не интеллигентно ругалась Ленка.

– Ну не жизнь, а ужасы одни, – произнесла она, не выдержав, в полный голос, – давайте со Стивеном Кингом свяжемся, может, ему материалов для сюжетов не хватает. Я вообще не понимаю, что происходит. Вместо того чтобы успешно решать уже имеющиеся проблемы, мы все успешно накапливаем новые. Там Николай Петрович истерит, что не может есть больничную пищу и я, мол, его специально туда уложила, чтобы уморить голодной смертью. Дома мама

боится оставаться одна, даже в туалет без меня не ходит. Видите ли, «Бегемот только и ждет удобного момента, чтобы с ней расправиться». А эта зверюга... Ему, видите ли, ласки не хватает, и он мне то в ноги кидается, то пытается на спину запрыгнуть, а в нем, на секундочку, больше десяти килограммов живого веса. Он мне все колени оттоптал, ведь перед тем, как сесть мне на ноги, он их под себя полчаса утрамбовывает...

– Не ной, – не выдержала Дарья. – Посмотри на тетю Нину, а Маринка... а потом меня, то есть нас кто-то хотел убить с этими тормозами...

– Ой, Даша, может, мышцы перегрызли, а у тех полицейских врожденный сдвиг на уголовщину. Ну ты здравомыслящая тетка, правда, не всегда, – тут же поправились Женя, – думай, о чем говоришь, ведь мы уже обсуждали эту тему и пришли к выводу, что ни у кого нет причин тебя убивать, а тем более меня...

– Это ты пришла к такому выводу, – тихо буркнула себе под нос Дарья и с недовольной миной уставилась в окно.

– Извините, девочки, я придурак, – шмыгнула носом Лена. – Считайте, что пыталась, и при этом неудачно, разрядить обстановку. Когда перевезем тетю Нину, дальше у нас какие планы?

– Надо съездить к Мишке, он на детской летней даче где-то в районе «Удельной», – уже другим тоном продолжила Женя. – И еще кто-нибудь из вас знает, как оформляется опекунство?

– Очень просто, нам нужен очень грамотный юрист.

– Мудрое предложение, – съерничала Елена и, едва не потеряв машину скорой помощи из виду, тут же прибавила скорость.

– Хватит глумиться. Есть у меня такой юрист, – спокойно продолжила Дашка, – а ты, подруга, лучше за дорогой следи, а то как бы твоему Николаю Петровичу не пришлось нам всем троим в отделении травматологии куриные супчики носить.

– Тьфу на тебя, – недовольно сморщила Ленка нос и нажала на педаль газа. – Ну вот, мы почти приехали.

Скорая осторожно въехала во двор, где их встречал Василий Иванович.

Нина Федоровна проспала всю дорогу. Она попыталась было проснуться, когда ее, вклатив на каталке в дом, уже перекладывали на кровать, но попытка была неудачной, и она опять впала в тяжелую дрему. В комнате, переоборудованной под больничную палату, Женя разложила все необходимые лекарства и тут же рядом с горой таблеток прикрепила список, где было подробно прописано, в какой последовательности и в какое время необходимо давать лекарства. У самой кровати были выставлены два огромных пакета с подгузниками для взрослых и несколько пачек влажных салфеток. Дашка внесла большой чемодан и сумку с вещами Нины Федоровны, заботливо собранными соседкой, и замерла посередине комнаты, не зная, куда пристроить свою поклажу. Степанида терпеливо наблюдала за происходящей суетой, до той поры, пока Евгения уже по третьему разу не

начала раскладывать лекарства, а Дарья с чемоданом в руках, как неприкаянная, сделала второй круг по комнате:

– Так, девоньки, быстро все оставили в покое и вышли отсюда. Идите на кухню, я вам там приготовила перекусить, если, конечно, ваша Елена прекрасная уже все не съела. Кофе или чай, так вы это уже сами, а я здесь сама порядок наведу. А теперь геть отседа.

Подруги, даже не думая оказывать сопротивление натиску Степаниды, пулей вылетели из комнаты, при этом Дарья бросила чемодан там, где стояла, то есть посередине комнаты. Женька налетела на него, споткнулась, едва не упала, но в последний момент чудом удержалась. Пластиковый «ящик» на колесиках, не выдержав ее напора, рухнул на пол с невероятным грохотом, при этом едва не захватив за собой столик с таблетками.

Нина Федоровна, несмотря на произведенный шум, продолжала спать.

– Та, выходыты вы от селя чи ни, злыдни, – зашипела на них Степа, – чи пока усих ни поднимаете ни угомонитесь?!

– Все, все, нас уже здесь нет, – шепотом прокричала Женька, выталкивая обернувшуюся в дверях на шум Дашку.

На кухне, устроившись со всеми возможными удобствами, восседала Елена и с нескрываемым удовольствием попивала из огромной кружки кофе, доедая, судя по нарушенной симметрии аппетитной горки из расположенных на огромном блюде бутербродов, не первый и даже не второй.

– Ну и чего застыли? Я вам тоже кофе сварила...

– То есть не поленилась нажать на кнопку «старт» в кофемашине? —

поинтересовалась Дашка, ловко перехватывая из-под Ленкиной руки бутерброд с рыбой.

– Ой, уже позавидовала, – возмутилась Елена и преспокойно взяла себе с колбасой. – Мне еще за рулем сидеть, а потом еще в домашних боевых разборках участвовать. Давайте решать, кто сегодня поедет ко мне. Я не выдержу прессинг одновременно со стороны мамы и со стороны кота. Так что решайте, а то рискуете меня потерять.

Преппирательства длились недолго. Планы дальнейших действий были

разработаны и согласованы до того момента, как они допили кофе. Основные решения заключались в следующем: Дарья оставалась дома оказывать посильную помощь Степаниде Матвеевне, но ее самая главная задача – это не мешать и держать подруг в курсе происходящих событий. Нужно не забывать, что в доме, пусть не в нем самом, а в бане, точнее, в предбаннике, произошло убийство. Кто, кого и за что, пока оставалось тайной. Поэтому осторожность не помешает.

– Если что, у меня есть электрошокер, – таинственным шепотом сообщила Дарья, окинув подруг гордым взглядом.

– Ты так это произнесла, будто у тебя переносной зенитный комплекс под кроватью спрятан, – хмыкнула Женька, – хотя если подумать, электрошокер – это лучше, чем ничего.

– Не отвлекаемся по пустякам, – решительно возмутившись, прервала их Елена. – Итак, мы с Женькой едем навестить Мишку. Наша цель – не только зацеловать его до смерти...

– Главное – встретиться с хозяйкой этой дачи и договориться, чтобы ребенок там остался до конца лета, – уточнила задачу Евгения, – а ты, Даша, постарайся здесь не маяться «тоской зеленой», а займись полезным для общества делом – пообщайся с адвокатом на интересующие нас темы.

– Жень, потом поедем ко мне, поболтаем, и ты остаешься у меня ночевать. Ведь правда? – у Ленки в голосе были отчетливо слышны слезливые нотки. – Если что, я тебя завтра на встречу к этому

Константинычу отвезу.

– Я у тебя переночую, но утром съезжу к себе и переоденусь. Хотелось бы все-таки соответствовать грядущему моменту, тем более он сам обещал заехать.

– О-о-о-о-о-о!!!! – дуэтом изобразили свою высочайшую степень изумления Дарья с Еленой.

– Никаких «о», – тут же пресекла Евгения их нездоровый энтузиазм, – я второй день хожу в одной и той же футболке. Разговор предстоит серьезный. Мужика необходимо убедить, что это было не самоубийство. Следовательно, что? Правильно! И одежда должна к этому располагать. А я сейчас выгляжу так, будто грядки собираюсь полоть.

Несмотря на все старания подруг доказать, что такую красоту, как она, испортить нельзя, им ее переубедить не удалось. Быстро расправившись с перекусом и допив кофе, Елена и Женя уехали, провожаемые укоризненным взглядом Степаниды: она категорически не принимала подобного, в ускоренном режиме, приема пищи.

Все складывалось удачно. Они застали хозяйку дачи Софью Валентиновну на рабочем месте, а именно в кабинете, который напоминал светлицу из терема русской сказки. Около пятидесяти, моложавая, несмотря на седые волосы, уложенные в пышную прическу, с беспомощными из-за близорукости и очень добрыми глазами. Вид заведующей вызвал у Жени ассоциацию со сдобным кексом, густо присыпанным сахарной пудрой. Внимательно выслушав посетителей, она достала из кармана спрей с нитроглицерином и сделала себе пару пшиков под язык.

– То, что вы рассказали, Евгения Павловна, – это ужасно. Миша, безоговорочно, может остаться здесь до двадцать седьмого августа. Просто в этот день у нас заканчивается договор на аренду здания. Бесплатно я, к моему большому сожалению, не могу его здесь держать, но мы снизим оплату на треть – это будет реально допустимая сумма, если у вас возникнут финансовые затруднения, мы сможем оформить кредит. Я согласна с вами, что никто не должен знать истинную причину происходящего, и никому не расскажу о том, что случилось с Мариной Владимировной, для всех она в больнице. Болеет. Единственная просьба. У нас будет родительский день, и, как вы понимаете, Мишенька не должен быть один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.